

СЛѢДЫ ПРОПОВѢДНИЧЕСТВА ВЪ ДРЕВНѢЙШЕЙ ОТЕЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Изъ первыхъ двухъ вѣковъ христіанства до насъ не дошло литературныхъ произведеній въ формѣ словъ или бесѣдъ церковныхъ. Причина этого въ томъ, что отцы первыхъ вѣковъ говорили въ богослужебныхъ собраніяхъ назиданіе народу безъ особенныхъ письменныхъ приготовленій, высказывая предъ нимъ то, что ввухалъ имъ Духъ Божій, содѣйствию котораго они довѣрялись, или что приходило имъ на мысль, по указанію обстоятельствъ и по движению вѣрующаго сердца. Обычай записывать въ церкви поученія уважаемыхъ проповѣдниковъ до Оригена не было въ употребленіи. Исторія¹⁾ въ извѣстіяхъ объ Оригенѣ замѣчаетъ, какъ особенность, то, что его назидательныя обличенія св. Писанія, слышимыя въ церкви, стали записываться скорописцами, вѣроятно изъ его учениковъ и почитателей. До того времени слушатели, какъ говорить св. Привѣліонскій²⁾, запечатлѣвали церковное ученіе не на бумагѣ, а на сердцахъ. Проповѣдь была не письменнымъ произведеніемъ, а устнымъ словомъ, которое, какъ живая бесѣда, наладила свое завершеніе въ умъ и душъ тѣхъ слушателей, предъ которыми говорилось, не переходя въ область литературы.

¹⁾ Церк. Ист. Евсея, VI, 36.

²⁾ Въ посланіи къ Флорану у Евс. V, 20.

Между тѣмъ изслѣдователю историческихъ судебъ проповѣдничества нельзя не стремиться своимъ вниманіемъ въ тѣ отдаленныя вѣка, въ которые открывалась первая церковно-учительная работа, и въ которые помогались первые образцы для послѣдующей дѣятельности,—нельзя не желать найти что либо, могущее представить опытъ или образецъ проповѣдничества мужей, послужившихъ устройенію церковнаго дѣла послѣ апостоловъ. Иначе исторія проповѣди будетъ какъ будто безъ начала.

Изысканія древнѣйшихъ слѣдовъ или памятниковъ проповѣдничества естественно могутъ быть обращены къ той письменности, въ которой хранятся произведенія учительной мысли христіанской, явившіяся въ первые вѣка христіанства. Внимательныя изслѣдованія, предпринимавшіяся въ этой области учеными, не остались безъ результата для исторіи проповѣдничества. На основаніи критико-литературныхъ изысканій въ области древней египетской письменности, исторія проповѣдничества призоветъ себѣ нѣкого рья произведенія древнѣйшихъ учителей церкви, существующія безъ имени словъ или проповѣдей, а въ другихъ отыскиваетъ отрывки изъ бесѣдъ церковныхъ, внесенные авторомъ при развитіи своихъ мыслей, въ видѣ доказательства или поясненія.

Цѣльныя произведенія, усвоаемыя исторіею проповѣдничества изъ круга древнѣйшихъ христіанскихъ литературныхъ памятниковъ,—это во первыхъ сочиненіе, извѣстное подъ именемъ *второго посланія Климента римскаго къ коринѳянамъ*, и во вторыхъ два сочиненія Климента александрійскаго,—одно, извѣстное подъ именемъ *Недалога* а другое подъ заглавіемъ: *кто изъ богатыхъ спасется* (ὁὗτος, τίς ὁ πλούσιος σωθήσεται)? Къ нимъ исторія проповѣдничества присоединяетъ отрывки изъ бесѣдъ Валентина, извѣстнаго гностика втораго вѣка, встрѣчающіеся въ Строматахъ тогоже Климента александрійскаго.

Древнѣйшій памятникъ отеческой литературы, усвоенный историческому проповѣдничеству, связанъ съ именемъ Климента, который послѣ Лина и Анаклета былъ епископомъ римскимъ (около 91 года по Р. Хр.), и который, по свидѣтельству древнихъ писателей ¹⁾, видѣлъ апостоловъ и обращался съ ними. Кромѣ перваго посланія къ коринтянамъ, писаннаго отъ лица римской церкви по поводу несогласій и споровъ, открывшихся въ церкви коринтской, ему приписывается и между его твореніями помѣщается такъ называемое второе посланіе Климента римскаго къ коринтянамъ, которое не безъ основанія относить къ разряду проповѣднической литературы.

Доказать подлинность этого втораго посланія Климента римскаго очень трудно. У древнихъ писателей или вовсе не упоминается о немъ, или если встрѣчается упоминаніе, то съ оговорками успливающими сомнѣнія въ его подлинности. Евсевій, древнѣйшій достоверный историкъ и первый изъ писателей, сдѣлавшій упоминаніе о второмъ посланіи Климента римскаго къ коринтянамъ, при этомъ упоминаніи не высказалъ убѣжденія въ его подлинности. „Надобно знать (замѣтилъ онъ послѣ рѣчи о первомъ посланіи, всѣми единогласно принятомъ), что есть, говорятъ, и другое посланіе Климента; но мы знаемъ, что оно не такъ извѣстно, какъ первое; ибо древніе, сколько мы знаемъ, не пользовались имъ“ ²⁾. Блаж. Иеронимъ при словѣ о второмъ посланіи Климента, прямо говоритъ, что оно отвергается древними ³⁾. Патріархъ Фотій, упомянувъ въ своей Библіотекѣ о важности и признанномъ авторитетѣ перваго посланія Климента, о второмъ замѣчаетъ, что оно отвергается, какъ

¹⁾ Франц. Люпскаго прогавъ ересей, кн. III, гл. 3. Евсевія, церк. ист. V, 6.

²⁾ Перл. ист. III. 38.

³⁾ De viris illustribus, с. 15.

подложное ¹⁾). Нѣкоторые ученые (Котелерій ²⁾, Кустапцій ³⁾, Галланди ⁴⁾, Лумиеръ ⁵⁾), отстаивали его подлинность; но ихъ доказательства, въ виду свидѣтельствъ древнихъ писателей, не имѣютъ силы убѣдительности. Сильныхъ положительныхъ основаній въ пользу своего мнѣнія они не приводятъ, но стараются ослабить возраженія противниковъ и объяснить болѣе или менѣе благоприятнымъ для себя образомъ молчаніе древнихъ о второмъ посланіи Климента или прямое сомнѣніе въ его подлинности, часто съ очевидными натяжками.

Но если и не принадлежитъ Клименту такъ называемое второе посланіе его къ коринтянамъ, оно во всякомъ случаѣ имѣетъ очень древнее происхожденіе. Уже самое свидѣтельство о немъ Евсевія, подвергающее сомнѣнію его подлинность, показываетъ, что въ его время оно считалось произведеніемъ извѣстнаго, но довольно древняго происхожденія. Оно помѣщено въ древнѣйшемъ (александрійскомъ) кодексѣ библейскомъ ⁶⁾), относимомъ къ пятому вѣку, на ряду

¹⁾ Bibl. cod. 111.

²⁾ Patr. graecae curs. compl. T. I. Variorum prooemia historico-litteraria ad epistolas s. Clementis 1 papae col. 69 - 76.

³⁾ Ibidem, col. 81—1.

⁴⁾ Ib. col. 93—104.

⁵⁾ Ib. col. 129—135.

⁶⁾ Сохраненное въ весьма древнемъ кодексѣ Библии и упоминаемое древними писателями, второе посланіе Климента римскаго, вмѣстѣ съ первымъ, не было извѣстно ученымъ въ Европѣ и долгое время считалось потеряннымъ, пока Кирилъ Лукарскій, патриархъ сначала александрійскій, а потомъ константинопольскій, не послалъ въ даръ Карлу I, королю англійскому того кодекса Библии, въ которомъ помѣщены посланія Климента, и который онъ вмѣстѣ съ другими книгами вывезъ изъ Александріи (этотъ кодексъ находится нынѣ въ британскомъ музеумѣ, и, какъ извѣщенный изъ Александріи, носитъ названіе александрійскаго). Это было въ 1628 году. Въ первый разъ оно издано было, вмѣстѣ съ первымъ посланіемъ, въ 1833 году ученымъ бібліотекаремъ Юліемъ въ Оксфордѣ съ примѣчаніемъ и латинскимъ переводомъ, заимъ Котелеріемъ (въ 1872 году), который раздѣлилъ текстъ посланій на главы, и другіями. На рус-

съ книгами св. Писанія, вмѣстѣ съ первымъ посланіемъ Климента римскаго къ коринтянамъ. Явленіе его здѣсь свидѣльствуетъ сколько о его древности, столько и о томъ высококомъ уваженіи, съ каковымъ относился къ нему по крайней мѣрѣ нѣкоторыя мѣстныя церкви. О томъ же говоритъ указаніе на него правилъ апостольскихъ. Въ 85 правилъ апостольскомъ перечисляются *вмѣстѣ съ библейскими книгами оба посланія Климента*, при указаній писаній, какія должны читать всѣ, принадлежащіе къ клиру, и міряне. — Кромѣ этихъ вѣдѣній свидѣтельствъ древности посланія, въ самомъ содержаніи его есть признаки, указывающіе на происхожденіе его въ самые первые вѣка христіанства. Въ началѣ его говорится о благѣ и величіи христіанства и спасенія, имъ привнесеннаго, какъ дара цюаго, который не успѣли еще оцѣнить надлежащимъ образомъ (гл. I). и авторъ выражаетъ свою радость при видѣ того, что церковь прежде неподвижная, не раждающая, теперь чрезъ призваніе язычниковъ является многоплодною (гл. II). Направленіе и складъ рѣчи объ этомъ указываетъ на время первоначальнаго пасажденія христіанства въ странахъ прежде языческихъ, и невольно приводитъ читателя къ заключенію, что недавно (по отношенію къ жизни автора) совершилось спасеніе насъ отъ заблужденія и погибели, за которое онъ призываетъ слушателей благодарить Господа Иисуса Христа. — Далѣе, особенность посланія составляетъ то, что въ немъ нѣсколько мѣстъ изъ евангелія приводится такихъ, какихъ нѣтъ въ текствѣ нашихъ евангелій (гл. IV, V, VIII и XII), — какъ замѣтилъ еще Фотій ¹⁾. Эти мѣста, какъ видно изъ указанія Климента александрійскаго, приводящаго одно изъ этихъ мѣстъ въ своихъ Строматахъ ²⁾, взяты изъ еван-

скомъ языкѣ оно издаю въ Христіанскомъ Чтеніи за 1842-й годъ (ч. 2) и въ Православномъ Обзорѣніи 1861 (апрѣль), съ предисловіемъ и въ переводѣ свящ. П. А. Преображенскаго.

1) Bibl. cod. 126.

2) Strom. L. III. c. XIII. Patr. e. c. T. VIII. col. 1193.

гелія египтянъ, о которомъ есть упоминаніе у Оригена (въ 1-й бесѣдѣ на евангеліе отъ Луки), у Іеролима (въ предисловіи къ толкованію на евангеліе Матѳея), Епифанія¹⁾ и Теофилакта (въ началѣ толкованія на евангеліе Луки). Намъ кажется, не будетъ произволомъ заключать отсюда къ древности изслѣдуемаго нами сочиненія. Употребленіе евангелія египтянъ вмѣстѣ съ евангеліями, нѣмнѣ признанными, возможно было тогда, когда новозавѣтный библейскій канонъ еще не былъ утвержденъ голосомъ церкви вселенской и апокрифическія евангелія не были строго отдѣлены отъ псевднй каноническихъ.

Трудно указать точнымъ образомъ время происхожденія втораго посланія Климента къ коринтянамъ. Въ увѣщаніяхъ, преподаваемыхъ авторомъ, есть намеки на современныя ему обстоятельства, но намеки довольно общаго характера. Авторъ во первыхъ (гл. VII) совѣтуетъ до конца выдерживать подвигъ исповѣдничества, чтобы удостоиться вѣнца. Подобный совѣтъ былъ умѣстенъ въ такое время, когда христіане, обращенные ко спасенію, подвергались за это гоненіямъ и преслѣдованіямъ. Далѣе авторъ (гл. VIII—IX) увѣщаетъ христіанъ хранить плоть въ чистотѣ для полученія вѣчной жизни, и возстать противъ тѣхъ, которые говорятъ, что эта плоть не воскреснетъ и не будетъ судима. Это увѣщаніе предполагаетъ яжеучителей, отвергавшихъ воскресеніе плоти и пренебрегавшихъ плотскою чистотою. На основаніи перваго изъ указанныхъ увѣщаній иные (Пильгенфельдъ, Геселе и Дрессель) относятъ твореніе ко временамъ Марка Аврелія (160—180), извѣстнаго по гоненіямъ на христіанъ; но гоненія были и раньше Марка Аврелія, при Траянѣ и Антонинѣ Піѣ. И яжеученія, противъ которыхъ есть замѣтки въ посланіи, не могутъ быть отнесены къ какому либо узкому періоду

1) Наер 62, с. 11.

времени. Они принадлежать гностикамъ второго вѣка, и судя по нимъ можно отнести это посланіе ко второму вѣку, но они не даютъ основаній для болѣе точнаго опредѣленія времени его происхожденія.

Равнымъ образомъ нельзя указать съ достовѣрностію мѣсто, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ авторъ посланія. Рильгенфельдъ высказываетъ предположеніе, что авторъ посланія былъ членомъ римской церкви, основываясь на практическомъ характерѣ наставленій, въ немъ заключающихся; къ этому предположенію склоняется и о. Преображенскій ¹⁾. Но основанія для этого предположенія слишкомъ шаткія. Развѣ наставленія практическаго характера не могли быть высказаны членомъ другой церкви? Припомните наставленія, заключающіяся въ Педагогѣ и въ сочиненіи о спасеніи богатыхъ Климента, жившаго въ Александріи, центрѣ идеалистическаго міросозерцанія. Развѣ въ нихъ меньше практицизма, чѣмъ въ посланіи, приписываемомъ Клименту римскому? Мѣстнаго колорита въ послѣднемъ нѣтъ никакого. Мы болѣе склонны признать въ авторѣ члена александрійской церкви, чѣмъ римской. Въ Александріи, центрѣ тогдашняго образованія раньше, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, стала процвѣтать христіанская письменность. И здѣсь же сильнѣе всего были тѣ гностическія заблужденія, отъ которыхъ предостерегаетъ христіанъ авторъ посланія. Александрійскимъ происхожденіемъ посланія можно объяснить далѣе то, что авторъ пользовался евангеліемъ египтянъ, извѣстнымъ въ тамошнихъ христіанскихъ общинахъ, и что оно попало въ александрійскій кодексъ Библии, и только въ немъ одномъ сохранилось.

Многіе ученые, — Венделингъ, приписывавшій второе посланіе Клименту римскому и считавшій его древнѣе перва-

1) Прав. Обзор. 1861. Апрель. Прол. стр. 167.

го ¹⁾), Грабій ²⁾), Мелеръ ³⁾), Гёфеле ⁴⁾), Паниль ⁵⁾),— считаютъ второе посланіе Климента римскаго не посланіемъ, а бесѣдою. Къ ихъ мнѣнію пристаётъ и о. П. А. Преображенскій, издавшій въ русскомъ переводѣ посланія мужей апостольскихъ въ приложеніи къ Православному (Обозрѣнію ⁶⁾). Такой взглядъ на это сочиненіе образовался во вниманіи къ внутреннему и внѣшнему характеру его. Въ немъ нѣтъ надписанія и привѣтствія, какими обыкновенно начинаются посланія къ церквамъ и лицамъ какъ самихъ апостоловъ, такъ и мужей апостольскихъ, и какое есть и въ первомъ посланіи Климента римскаго къ коринтянамъ. А между тѣмъ и въ началѣ и въ срединѣ встрѣчаются обращенія къ братьямъ, какия употребительны въ церковныхъ бесѣдахъ, и наставленія, въ немъ излагаемыя, направляются къ лицамъ, какъ бы прямо стоящимъ предъ учителемъ. Въ началѣ посланія, когда говорится объ Иисусѣ Христѣ, какъ Богѣ и Судіи живыхъ и мертвыхъ, и о нашемъ спасеніи чрезъ Него,—въ такихъ словахъ дѣлается замѣчаніе: „если мы слушаемъ объ этомъ, какъ о чемъ-то маломъ, то мы грѣшимъ (гл. I.)“⁴⁾. Слово: *слушаемъ* (*ἀκούομεν*), здѣсь употребленное, даетъ поводъ предполагать при этомъ дѣйствительное слушаніе рѣчи, произносимой устно.

Бесѣда неизвѣстнаго древняго учителя церковнаго, по мнѣнію Грабія, могла быть приписана Клименту римскому послѣ времени Оригена. Въ первые вѣка христіанства Кли-

1) Происхожденіе перваго посланія Климента римскаго къ коринтянамъ оныя относятъ къ 95 году по Р. Хр., а втораго къ 75. Godefredi Vendelini de Clementis et ejus epistoliarum temporis diuinitio. P. e. e. T. I. col. 66.

2) Spicileg. T. I. p. 263.

3) Möhlers, Patrologie. Erster Band. s. 65—67.

4) Patrum apostolorum opera. De duabus epist. Clem. Romani. P. e. e. T. I. Prooemia variorum ad ep. Clem. I parae. col. 198.

5) Pragmat. Geschichte der christlich Beredsamkeit, S. 106.

6) См. Предисловіе ко второму посланію св. Климента римскаго къ коринтянамъ. Прав. Обзор. 1861. Апрель. Прил. 161—2.

менту римскому приписывалось нѣсколько сочиненій подобнаго рода. Авторитетъ этого перваго изъ мужей апостольскихъ былъ въ большемъ уваженіи въ древней церкви, и почтеніе къ его имени побуждало вѣрующихъ относить къ нему многое, идущее изъ древности, и запечатлѣнное духомъ вѣры и благочестія. По преданію, онъ собралъ и привелъ въ порядокъ какъ правила, такъ и постановленія апостольскія, на что указывается какъ въ послѣднемъ правилѣ апостольскомъ, такъ и въ заголовкѣ постановленій апостольскихъ. Съ его именемъ ходятъ Климентины или 19 бесѣдъ (другая рецензія которыхъ, сохраненная Руфиномъ въ латинскомъ переводѣ подъ именемъ *Recognitiões Clementis*), въ которыхъ рассказывается жизнь нѣкого Климента, его религіозныя сомнѣнія и мучительныя исканія истины, сначала въ мистеріяхъ языческой религіи, потомъ въ изслѣдованіяхъ разума, его встрѣча съ апостоломъ Петромъ и обрѣтеніе мира въ Евангеліи, и при этомъ представлены путешествія апостола Петра, обратившаго Климента къ христіанству, во Палестинѣ и Сирии, его споръ съ Симономъ волхвомъ, его рѣчи и чудеса.

Если сочиненіе, извѣстное подъ именемъ втораго посланія Климента римскаго къ коринтянамъ, есть древне-христіанская бесѣда, то на основаніи ея мы можемъ заключать къ нравственному характеру того ученія, какое слышалось въ богослужебныхъ собраніяхъ втораго вѣка. Мысль о чистой добродѣтельной жизни, о необходимости исповѣданія Христа не словомъ, а дѣломъ, о необходимости стремленія къ благамъ вѣчной жизни—главная преобладающая мысль всего сочиненія. Съ общихъ сторонъ раскрывается эту мысль авторъ разбираемаго нами сочиненія, но обстоятельства, среди которыхъ текла современная ему жизнь христіанъ, склоняють его учительное слово къ частнымъ предложеніямъ. Ходъ мыслей въ сочиненіи слѣдующій: Авторъ прежде всего призываетъ слушателей воздавать хвалу и благодареніе Господу Іисусу Христу, Богу и Судіи

живыхъ и мертвыхъ, по своему милосердію спасшему насъ погибающихъ, и даровавшему намъ множество священнѣйшихъ преимуществъ (гл. I и II), приглашаетъ далѣе христіанъ исповѣдывать Христа Спасителя, и достойное Спасителя исповѣданіе показываетъ не въ одномъ названіи Его Господомъ, а въ исполненіи заповѣдей Его, и въ добрыхъ дѣлахъ, намъ предписанныхъ (гл. III и IV.) Мысль братій своихъ учитель церковный возводитъ къ покою будущаго царства и вѣчной жизни и побуждаетъ презирать этотъ міръ, въ которомъ странствованіе нашей плоти мало и кратковременно, и всею душою пригвѣляться къ великому обѣтованію Христову. Настоящій вѣкъ и будущій—два врага, и мы должны возненавидѣть здѣшнія блага, чтобы получить блага другаго міра, прекрасныя и нетлѣнныя (гл. V и VI). Въ виду гоненій, угрожавшихъ христіанамъ, учитель увѣщаетъ вѣрующихъ твердо стоять на пути правомъ, чтобы получить вѣнецъ: кто не выдержитъ подвига, тотъ все потеряетъ, подобно вступившимъ въ суетный подвигъ и испорченнымъ дѣломъ (VII). Лжеученія заставили проповѣдника говорить о храненіи плоти въ чистотѣ, и доказывать, что плоть воскреснетъ, и что мы, призванные во плоти, и на судъ придемъ во плоти же (гл. VIII—IX). Въ заключеніе слова повторяется возбужденіе вѣры въ обѣтованія Божіи, снова дѣлается увѣщаніе къ добродѣтели и къ предпочтенію обѣщанныхъ благъ здѣшнему наслажденію и приглашеніе ежечасно ожидать въ любви и праведности царства Божіа, день явленія котораго неизвѣстенъ (гл. X—XII). Сочиненіе прерывается на полуфразѣ и не имѣетъ конца въ дошедшей до насъ рукописи. Но судя по смыслу рѣчи можно полагать, что не дошла до насъ только малая заключительная часть.

Внѣшній характеръ бсѣды— посланія напоминаетъ о той апостольской простотѣ, съ какою велось дѣло ученія въ церкви первенствующей. Въ ней нѣтъ искусства слова, не видно и діалектической мысли, выработанной школою. Правда, Іоаннъ Моринъ замѣчалъ о слогѣ посланій, что

онъ не такой простой, какъ въ первомъ посланіи къ коринѳянамъ, но нѣсколько замасловатый, не произвольно текущій, но тщательно обработанный, не ἀπεριόριστος и иногда ἀναυταπρόδοτος, но окруженный и обильный антитезами ¹⁾. Съ Мориномъ согласнается Рихардъ Симонъ, которому слѣдуютъ многіе. Но такое показаніе не согласуется строго съ характеромъ посланія и вызвано желаніемъ подтвердить отлчіе его отъ перваго посланія Климента, для усиленія мнѣнія о неподлинности пропехожденія его отъ Климента. Нише и Фотію приписываютъ отзывъ о слогахъ нашего посланія, что онъ изысканнѣе и напряженнѣе слога перваго посланія ²⁾. Но у Фотія въ тѣхъ мѣстахъ ³⁾, гдѣ онъ говоритъ о посланіяхъ Климента римскаго къ коринѳянамъ, нѣтъ подобнаго замѣчанія. (Въ первомъ посланіи онъ отзывался, что оно повывраженнѣе просто и ясно и приближается по характеру къ церковной безыскусственной рѣчи. А при словѣ о второмъ посланіи нѣтъ у него нарочитаго опредѣленія слога; только замѣчается, что въ немъ приводятся нѣкоторыя чуждыя изреченія, какъ будто изъ свая. Исаія, отъ какихъ впрочемъ не свободно и первое посланіе, и толкованія мѣстъ нишихъ довольно странно. Затѣмъ, переходя къ характеристикѣ обохъ посланій безраздѣльно, Фотій говоритъ, что въ нихъ обохъ мысли набросаны кое-какъ и не имѣютъ надлежащей послѣдовательности ⁴⁾. Мы передали все, что встрѣчается у Фотія для характеристики нашего посланія, и находимъ странною ссылку на Фотія при доказательствахъ изысканности слога и искусственности состава втораго посланія Климента. Напротивъ этотъ зоркій, тонкій и спра-

¹⁾ Variorum prooemia historico-litteraria ad epistolas s. Clementis I papae. Patr. c. c. T. I. col. 197.

²⁾ Праг. Обзор. Апрель 1861. Прилож. Предисл. ко 2 посл. Клим. р. къ коринѳ. свая. Преображенскаго, стр. 165.

³⁾ Bibl. cod. 113 и 126.

⁴⁾ Bibl. cod. 126.

ведливый критикъ указываетъ въ немъ небрежность, непослѣдовательность въ мысляхъ, значигь, отсуствие всякой искусственности, и никакого намека не дѣлаетъ на изысканность и напряженность слога. И характеристика посланія, дѣлается Фотіемъ. конечно, болѣе отвѣчаетъ дѣлу, чѣмъ та, какую мы указали выше. Въ посланіи—бесѣды и слѣда какой либо округленности и замысловатости, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ. Въ немъ говоритъ теплая вѣра, искреннее благочестіе. пожалуй начитанность въ свящ. Писаніи, но отнюдь не мысль, вооруженная наукою и какою бы то ни было искусствомъ краснорѣчія. Въ немъ нѣтъ строгаго и выдержаннаго порядка. Доказательства не отличаются силою. Даже тамъ, гдѣ можно было ожидать нѣкотораго напряженія діалектики, напримѣръ, гдѣ авторъ касается гностическихъ заблужденій (гл. VIII и IX), онъ говоритъ отъ вѣры, а не отъ разума, просяго наставляя, а не входя въ разбирательство предмета, не дѣйствуя на убѣжденіе. При развитіи мыслей приводится много мѣстъ Писанія: но приложеніе ихъ довольно произвольно, и мѣста эти не всегда достаточно выяснены, и толкуются иногда менѣе, чѣмъ не точно, просто странно, какъ справедливо замѣтилъ еще Фотій ¹⁾. Напримѣръ, приводя выраженіе изъ евангелія египтяинъ (папоминающее собою мѣсто изъ евангелія Луки (XVI, 10. 11): *если вы не сохраните мало, то кто вамъ дастъ великое? Говорю вамъ: вторый съ маломъ и во многомъ вѣренъ будетъ*, авторъ посланія замѣчаетъ, что это значить: сохраняйте плоть въ чистотѣ и печать безъ поврежденія, чтобы получить вамъ жизнь вѣчную (гл. VIII)^а. Или слова: *громко взывай, не мучившаяся родами* (Ис. LIV, 1) „означаютъ (по толкованію автора посланія) то, чтобы мы возносили наши молитвы къ Богу просто, не малодушествуя, подобно рождающимъ (гл. II)^а.

¹⁾ Bibl. cod. 126.

Велѣдь за вторымъ посланіемъ Климента римскаго къ коринѳянамъ, вниманіе историка проповѣдничества обращаютъ на себя сочиненія другаго Климента—александрійскаго.

Имя Климента александрійскаго обыкновенно не упоминается въ исторіяхъ проповѣдничества. Между его твореніями нѣтъ произведеній, имѣющихъ форму слова или бесѣды.

Но внимательное изысканіе находитъ у него много проповѣдническаго матеріала. Въ нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ его твореній критика¹⁾ не безъ основанія видитъ обработанное изложеніе того, что прежде говорено было имъ живымъ голосомъ предъ слушателями, по званію учителя церковнаго. Климентъ александрійскій послѣ Павла занималъ должность катехета въ знаменитомъ александрійскомъ огласительномъ училищѣ, и по званію катехета живымъ голосомъ долженъ былъ излагать ученіе и правила вѣры ищущимъ оглашенія пути Господню. Далѣе онъ занималъ должность пресвитера. Быть не можетъ, чтобы такой знаменитый учитель, какимъ былъ Климентъ александрійскій, пользовавшійся такимъ авторитетомъ, и отличавшійся большою ревностію къ защитѣ и распространенію христіанскаго ученія, не выступалъ, по должности учителя, въ церковномъ собраніи съ словомъ назиданія, когда мы знаемъ, что въ древнихъ памятникахъ между обязанностями пресвитера обязанность учительства стоитъ на первомъ планѣ²⁾. Катихизическое ученіе, излагаемое въ школахъ для ищущихъ вѣры, продолжалось имъ было въ богослужебныхъ собраніяхъ для увѣровавшихъ во Христа и принятыхъ въ число членовъ церкви.

¹⁾ Nicolai le Nourry, presbyteri et monachi ordinis s. Benedicti e congregatione s. Mauri dissertationes de omnibus Clementis Alexandrini operibus. Cours. compl. Patrol. graecae t. IX. Cours de l'eloquence sacree. Clem. Alex. p. 274 et sq. Freppel.

²⁾ Апост. послан. Кт. III. г. 20 Прав. св. Апостоль 58.

Въ числѣ сочиненій Климента александрійскаго, не дошедшихъ до насъ, у Евсевія, Иеронима и Фотія указываются такія, которыя по своему содержанію, какъ показываетъ заглавіе ихъ, подходятъ къ разряду тѣхъ назидательныхъ бесѣдъ, какія слышались въ церковныхъ собраніяхъ. Таковы сочиненія о *постѣ* и *молчѣніи* (*Διαλέξεις περί νηστείας, καὶ περί κατακλιᾶς*; у Евсевія (Ист. VI, 13), *Περὶ νηστείας, καὶ περὶ κακολογίας* у Фотія (Bibl. cod. CXI), *De jejuniis disceptatio, de obrectatione liber unus* у Иеронима (*De script. eccles. c. 48*). Таково *утищаніе къ терційноу, обращенное къ новокрещеннымъ* (*Ὁ προτραπτικὸς εἰς ἄπομονήν, ἧ πρό- τοῦς νεωστὶ βαπτισθέντες* (тамъ же). Нравственныя матеріи, о какихъ разсуждалъ Климентъ въ упомянутыхъ сочиненіяхъ, гораздо удобнѣе для проповѣдническихъ наставленій, чѣмъ для ученыхъ обзорѣній, и мы не погрѣшимъ противъ истины, если будемъ видѣть здѣсь слѣды тѣхъ церковныхъ уроковъ, какіе давалъ върующимъ Климентъ по званію пресвитера церковнаго. Мы тѣмъ болѣе имѣемъ къ этому побужденій. что въ оглавленіи одного изъ сочиненій, именно „Утищанія къ терційноу“ прямо указано, что оно обращено къ новокрещеннымъ: естественно полагать, что это обращеніе выходило не изъ кабинетнаго уединенія къ воображаемымъ новымъ христіанамъ, а дѣлалось въ живомъ собраніи предъ опредѣленными слушателями, въ виду какихъ либо особенныхъ обстоятельствъ, подобно тому, какъ говорилось оглашеніе. Этими слушателями, когда они еще не принимали крещенія, и устные уроки являлись въ письмени, вслѣдъ за живымъ произнесеніемъ ихъ, для большаго утвержденія ихъ въ памяти желающихъ глубже впечатлѣть на сердцѣ слышанное ими ученіе. Краткій отрывокъ изъ сочиненія *о клятвѣ* или *заклѣваніи* сохранился у Антонія Мелитсы ¹⁾, и онъ имѣетъ такую образцательную форму выраженія, что можетъ оправдывать пред-

1) L. II. serm. 69.

положеніе о томъ, что сочиненіе составлено изъ живоѣ бесѣды. Къ числу назидательныхъ сочиненій Климента, происшедшихъ изъ устныхъ наставленій вѣрующимъ, мы присоединяемъ еще не упоминаемыя у древнихъ писателей сочиненія *о воздержаніи* (περί ἐγκρατίας) и *о бракѣ или семейной жизни* (γαμικός λόγος), на которыя ссылается Климентъ въ своемъ Педагогѣ. Оба эти сочиненія сроднаго характера по своему содержанию. Ссылаясь на первое ¹⁾, Климентъ говорить, что онъ объяснялъ въ немъ вопросъ о томъ, нужно ли обязываться бракомъ или лучше быть совершенно свободнымъ отъ семейныхъ узъ; во второмъ сочиненіи, по словамъ Климента ²⁾, онъ рассуждалъ о томъ, какъ нужно женѣ жить съ мужемъ, о ея занятіяхъ, управленіи домомъ, объ отношеніи къ слугамъ, и кромѣ того о времени супружества и о прочемъ, относящемся до женщинъ.

Но потерянные сочиненія, какъ бы близко ни относились къ церковной проповѣди, и сколько бы ни свидѣтельствовали о проповѣднической дѣятельности писателя, сами по себѣ не могутъ давать ему права на видное мѣсто въ исторіи проповѣдничества. Мы включаемъ Климента александрійскаго въ исторію церковной проповѣди отнюдь не на основаніи потерянныхъ его сочиненій, а потому, что въ сохранившихся до насъ его твореніяхъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, находимъ богатый проповѣдническій матеріалъ. Ни одно изъ его твореній, до насъ дошедшихъ, не имѣетъ прямой формы слова или бесѣды. Но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ видно по самому составу ихъ, изложено ученіе, сначала преподаваемое живымъ голосомъ и послѣ переработанное въ литературную форму разсужденія; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ компактномъ видѣ представлено то, что прежде служило содержаніемъ многихъ отдѣльныхъ бесѣдъ. Проповѣдническое ученіе, находимое нами у Климента

1) Pedagogi, I. II. c. X. Patr. c. compl. T. VIII. col. 509 I. III. c. VIII.

2) P. c. c. T. VIII. col. 612.

александрійскаго, такъ значительно, что и въ другую эпоху, болѣе плодovitую, и болѣе слѣдовъ оставившую для насъ, его голосъ былъ бы отмѣченъ между другими по силѣ и ясности мысли, по чистотѣ и практичности своихъ наставленій. За недостаткомъ прямыхъ проповѣдей пзъ древнѣйшей христіанской эпохи къ подобнымъ изложеніямъ христіанскаго ученія съ особенною внимательностію долженъ относиться изслѣдователь проповѣднической литературы, и дорожить ими, какъ рѣдкимъ наслѣдіемъ древности.

Насъ не должно останавливать отъ внесенія въ пегорію проповѣдничества изложеній Климента то, что они не имѣютъ формы слова или бесѣды. Въ первые вѣка христіанства проповѣдь не получила еще права литературнаго гражданства: будучи устнымъ наставленіемъ, она не предвляла притязанія на литературную долговѣчность, подобно нашимъ ежедневнымъ бесѣдамъ. Вдохновляемая ревностію по вѣрѣ и благочестію, она безъ посредства писмени хотѣла дѣйствовать на расположеніе слушателей и въ сердцахъ ихъ находила для себя свое завершеніе. Въ третьемъ вѣкѣ знаменитый и плодovitый проповѣдникъ Оригенъ смотрѣлъ, какъ на нѣчто необычное, на желаніе своихъ учениковъ кесарійскихъ имѣть записанными его бесѣды въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ произносились въ церкви, и долгое время не отвѣчалъ согласіемъ на это желаніе ¹⁾. Если же хотѣлъ кто сохранить замѣчательнѣйшее пзъ сказаннаго живымъ голосомъ въ церковномъ собраніи, то воспроизводитъ это по воспоминаніямъ и соображеніямъ, и воспроизведенному даетъ форму обычныхъ тогда литературныхъ произведеній, — посланій, разсужденій, комментаріевъ и т. д. На западѣ не только во второмъ или третьемъ, но даже въ четвертомъ вѣкѣ бесѣды и проповѣди отцевъ, завѣдомо сказанныя въ церкви, явились въ письменной литературѣ и дошли до насъ не въ своей собственной формѣ, а въ формѣ комментаріевъ, книгъ или разсужденій.

¹⁾ Церк. Ист. VI, 36

Но господствовавшему тогда возрѣнію или условному литературному приличію, проповѣдь сама въ себя, въ своей непосредственной формѣ, какъ будто обязывалась не выходить изъ сферы аудиторіи, и отцы, желавшіе распространять свое ученіе, передаваемое въ церкви, пускали его въ обращеніе не съ именемъ бесѣды или рѣчей, а подъ общимъ литературнымъ названіемъ книгъ или разсужденій. Такъ не только отъ Иларія Пиктавійскаго, но и отъ такого замѣчательнаго проповѣдника, какимъ былъ Амвросій Медиоланскій, всѣ дошедшія до насъ бесѣды являють форму книгъ или комментаріи, въ которую она, такъ сказать, переливалась свое живое церковное слово, послѣ его произнесенія въ церкви, и историкъ церковной письменности, на основаніи внѣшнихъ свидѣтельствъ и внутреннихъ признаковъ, заключающихся въ нихъ сочиненіяхъ, долженъ доказывать, что они сохранились для насъ не въ своей первоначальной формѣ. Что имѣло значеніе въ четвертомъ вѣкѣ на западѣ, отъ чего то не могло быть на востокѣ во второмъ вѣкѣ или въ началѣ третьяго?

Сочиненій Климента александрійскаго, изъ которыхъ добрый призъ беретъ для себя исторія проповѣдничества, два: 1) *Педагогъ* и 2) извѣстное подъ заглавіемъ: „*Кто изъ богатыхъ спасется?*“

Педагогъ Климента, раздѣленный на три книги, заключаетъ въ себя цѣльное, болѣе или менѣе систематическое, начертаніе образцовой жизни христіанина. По мнѣнію ученаго бенедиктинца Ле Нурри¹⁾, онъ составился изъ тѣхъ наставленій или публичныхъ бесѣдъ, какия держалъ къ христіанскому народу въ Александріи въ церковныхъ собраніяхъ Климентъ, будучи катехетомъ и пресвитеромъ александрійской церкви. „Никто не можетъ сомнѣваться (замѣчаетъ онъ), что-

¹⁾ In Clementem Alex. D. Le Nonry dissertatio 1, cap. 2, articulus IV. Patr. e. compl. t. IX. col. 828—9.

бы такой ученѣйшій мужъ народъ, ему ввѣренный, не наслаждался твоими наставленіями христіанской жизни, какія тщателью собраны и обработаны во всемъ этомъ твореніи. Но зачѣмъ догадки, хотя и правдоподобныя? Не указать ли этого явно и открыто онъ самъ, когда въ концѣ своего творенія объявляетъ, что онъ и его слушатели приведены въ церковь Педагогомъ, и приглашаютъ всѣхъ въоспѣть *здесь* пѣснь Господу. „Поеліку Педагогъ (говоритъ Климентъ въ заключеніе своего творенія) ввелъ насъ въ церковь, и самъ соединилъ насъ съ Самимъ собою, учительнымъ и всеозерцающимъ словомъ, го онъ хорошо принять бы, если бы мы, присутствуя въ семь мѣстѣ, принесли Господу дань благодаренія, хвалу, соотвѣтствующую его справедливому и прекрасному ученію“¹⁾.

Кромѣ указаннаго Ме Пурри мѣста. могущаго служить свидѣтельствомъ, что содержащееся въ Педагогѣ преподано было христіанскому народу въ церкви, въ Педагогѣ находятся другіе внутренніе признаки того, что наставленія, раскрытыя въ этомъ твореніи, были излагасмы живымъ голосомъ предъ слушателями. Фразы показывающія, что Климента, излагавшаго христіанскую педагогію, слушали, а не читали, встрѣчаются на нѣсколькихъ страницахъ его творенія. Такъ въ послѣдней главѣ, приступая къ заключенію своего сочиненія, онъ выражается, что время уже миѣ закончить педагогію, а вамъ *слушать учителя* ²⁾ Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая о тайнахъ гименея. Климентъ затѣчаетъ; „намъ не гнусно для *тольмъ слушателей* называть тѣ части, въ которыхъ бываесть зачатіе плода и которыя Богъ не постыдился создать“ ³⁾. Независимо отъ такихъ частныхъ выраженій, къ предположенію о происхожденіи Педагога отъ живыхъ бесѣдъ располагаетъ общій стиль этого творенія — живой, собесѣдовательный, пе-

1) Paedag. l. III, c. XII. Cur. compl. Patr. t. VIII. col. 691.

2) Paed. l. III, c. XII. Patr. c. c. t. VIII, col. 677.

3) Paed. l. II, c. X. Patr. c. c. t. VIII. col. 508.

рассыпанный обращеніями, иногда прямо въ второмъ лицѣ ¹⁾ именующій тѣхъ лицъ, къ которымъ адресуется наставленіе, какъ это обыкновенно бываетъ въ рѣчи произносимой предъ слушателями.

Самая задача Педагога, то есть, главная идея, руководившая авторомъ при составленіи этого творенія, есть ближайшая задача проповѣди. Христіанская церковная проповѣдь, слышимая при богослуженіи, какъ показываетъ исторія всѣхъ временъ, адресуется къ увѣровавшимъ во Христа и по этой вѣрѣ вошедшимъ въ составъ церковнаго организма. Она слѣдуетъ за первымъ оглашеніемъ пути Господню, предшествующимъ вступленію оглашаемаго въ церковь и продолжаетъ, утверждаетъ и далѣе развиваетъ дѣло насажденія въ сердцахъ слушателей спасительныхъ началъ христіанства. Съ этою цѣлю она понижаетъ принятое вѣрою, борется съ застарѣлыми грѣховными привычками, раскрываетъ правила жизни и дѣятельности, осуществленіе которыхъ необходимо для блага и нравственнаго совершенства чело-вѣка, убѣждаетъ къ подчиненію воли этимъ правиламъ, и вообще старается поставить вѣрующаго въ должныя отношенія къ Богу и ближнимъ и къ потребностямъ своей собственной природы. Педагогъ Климента преслѣдуетъ именно ту задачу, которая предъявляется проповѣди церковно, возлагающею на проповѣдника обязанность пасти и пастыять на путь спасенія стадо Христово. Педагогъ Климента предполагаетъ читателей или слушателей, уже обращенныхъ ко Христу: онъ учитъ тѣхъ, которымъ можетъ принадлежать имя дѣтей Божіихъ ²⁾, которые послѣдовали за Христомъ, и чрезъ вѣру въ Него вошли въ церковь. Ученіе, въ немъ раскрытое, относится къ практической, а не теоретической сферѣ (*πρακτικὸς, οὐ θεωρητικὸς ὡν ὁ Παύλου* ³⁾). Цѣль его сдѣлать

¹⁾ Paed. L. I. c. II. Patr. c. c. t. VIII. col. 252. L. II. c. II. col. 421. L. III c. VIII. col. 612.

²⁾ Paed. I. L. c. V.

³⁾ Paed. L. I. c. I. Patr. c. c. t. VIII. col. 249.

душу лучшею, а не научить, наставить въ жизни честной и благоразумной, но не напоить знаніемъ. Хотя это тоже учительное слово, но оно инымъ здѣсь является. Слово учительное изъясняетъ и раскрываетъ догматы; а практическій Педагогъ, имѣя дѣло съ нравственностію, возбуждаетъ къ тому, что должно дѣлать, и при этомъ сообщаетъ чистыя и повсвужденныя правила и показываеъ потомкамъ образы тѣхъ, которые заблуждались прежде. Педагогъ укрѣпляетъ души добрыми правилами, какъ бы облегчительными лекарствами, веди къ совершенному познанію истины страдающихъ болѣзнію. Между здоровьемъ и познаніемъ большая разница: одно достигается ученіемъ, а другое леченіемъ. Ученикамъ не преподаеъ одинаково одно и тоже наставленіе; но тѣмъ го, которое способствуетъ познанію, а этиаъ способствуетъ леченію. Какъ тѣмъ, которые болѣны тѣломъ, нуженъ медикъ; такъ тѣ, чья душа болѣна, имѣютъ нужду въ Педагогѣ, который бы излечивалъ наши страсти. Старался довести насъ до полнаго ученія съ благозворною постепенностію, человеколюбивое Слово пользуется прекрасною экономіею, сначала обращая ко Христу (*πρὸς Χριστὸν*), а потомъ наставляя (*παιδαγωγῶν*) въ жизни и уча всему основательно ¹⁾). Такъ опредѣляетъ задачу своего труда во вступительной главѣ Климентъ александрійскій. Въ немъ даеъ Климентъ (какъ замѣчаеъ онъ въ другомъ мѣстѣ, въ Строматахъ ²⁾), объясняя сущность Педагога) нравственное руководство и воспитаніе человека отъ отрочества, и развиваеъ житейскій разумъ, возрастающій чрезъ вѣру изъ оглашенія и записывающимся въ число мужей приготовляющій душу, одаренную добродѣтелию. Онъ, по Фотію ³⁾, устроеетъ жизнь и нравы. Онъ показываеъ, какихъ пороковъ нужно избѣгать, какимъ добро-

¹⁾ Paed. I. 1. c. 1. P. c. c. t. VIII. col. 252.

²⁾ Stromatum, I. VI. c. 1. Pat. c. c. t. IX. col. 208.

³⁾ Biblioth. cod. 110.

дѣтелямъ нужно слѣдовать, какое добро дѣлать, вообще каковъ долженъ быть въ жизни и поведеніи христіаншъ.

Изъясненія, данныя Климентомъ о цѣли и задачѣ своего труда, извѣстнаго подъ именемъ Педагога, сами собою вдвигаютъ его въ кругъ той назидательной литературы, которая находится для себя сосредоточенное выраженіе въ церковной проповѣди. Если онъ и не составленъ изъ рѣчей или на основаніи рѣчей, сказанныхъ Климентомъ въ собраніи вѣрующихъ, какъ полагаетъ съ достовѣрностію Ле Нурри, его сближаетъ съ проповѣдію самое его содержаніе. Здѣсь раскрытъ и уясненъ тотъ идеалъ, какой стоялъ предъ глазами проповѣдника времени Климента, пекущагося о нравственномъ улучшеніи и возвышеніи своихъ слушателей, и какой имѣетъ значеніе и для проповѣдниковъ другихъ эпохъ. Здѣсь мы видимъ, куда склонилась мысль учителя церковнаго, уже сообщавшаго первое наставленіе въ вѣрѣ, когда онъ явился предъ собраніемъ вѣрующихъ, и въ какомъ направленіи сообщать онъ вѣрующимъ начала спасенія, содержащія въ Иисусѣ и въ церкви, раскрывать которыя всегдашнее призваніе проповѣдника.

Анализъ творенія ближе уяснитъ мысль нашу, и покажетъ на богатство проповѣдическаго матеріала, по которому исторія проповѣди не должна опускаться изъ вниманія Педагога Климента александрійскаго.

Собственно вторая и третья книга Педагога Климента разъясняютъ правила жизни христіанской и рисуютъ въ подробностяхъ то нравственное совершенство, къ которому должны стремиться всѣ, увѣровавшіеся во Христа и предавшіеся руководству небеснаго Учителя.

Въ первой частн своего труда Климентъ возвращается въ сферу общихъ вводныхъ представленій: здѣсь онъ опредѣляетъ достоинство того Педагога, въ уста котораго влагаетъ свои наставленія, и характеръ самыхъ его наставленій. Этотъ Педагогъ Слово Божіе, Сыно въ всемъ подобный Отцу, не имѣющій никакого грѣха, Богъ въ образѣ человека: Онъ благо

и любитъ человѣка. Всѣ, обращающіеся къ истинѣ, — дѣти передъ Богомъ, и всѣхъ, какъ дѣтей, Онъ учитъ и ведетъ къ истинѣ, сообщая каждому нужное, увѣщаніями доставляя спасеніе человѣку, отвращая его отъ грѣховъ угрозами, и показывая въ самыхъ угрозахъ и наказаніяхъ свою благодать. Онъ такъ благъ по отношенію къ намъ, что не только какъ пастырь ведетъ и пасетъ насъ и заботится о насъ, но изъ за насъ сдѣлался человѣкомъ, братомъ нашимъ и подвергся тяжелой мучительной смерти. Мы должны слушать этого Педагога, чтобы исполнять волю Отца небеснаго и угодиться Ему. Онъ выше всѣхъ другихъ наставниковъ, не только языческихъ, но даже ветхозавѣтныхъ, которые были прѣступами во Христѣ, и Имъ же освѣщаемые руководили народъ, не достигшій зрѣлости на путяхъ спасенія, и, собственно говоря, только одинъ у насъ истинный, всеблагій, справедливый и премудрый Наставникъ, Сынъ Отца, Иисуса, Слово Божіе, руководству котораго Богъ предать и поручить насъ, объявляя намъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный; Его послушайте* (Матѣ. XVII, 5).

Педагогич., излагаемая Климентомъ, — выше человѣческаго происхожденія; она *божественное* устроеніе жизни, правое наставленіе, вмѣстѣ съ божественною религіею идущее съ неба отъ Бога и возводящее къ небу. При свѣтѣ высшей истины, она ясно описываетъ свята дѣйствія, спасительныя для насъ. Но когда приступаетъ Климентъ къ самому изображенію спасительной жизни и высказываетъ общія начала, какими должно опредѣляться поведеніе христіанина (въ концѣ 1-й книги) ¹⁾. — въ опредѣленіи этихъ началъ у почитателя божественнаго Слова видно вліяніе философіи, которую успѣшно занималъ этотъ, по выраженію Іеронима, *неутомимый искатель* истины до своего обращенія въ христіанство, и которой не оставилъ онъ и тогда, когда послѣ обращенія съ разны-

¹⁾ Г. I с. МН.

ми учителями подалъ въ Египтъ на послѣдняго, перваго изъ всѣхъ по своей заслугѣ, научившаго его небесной христіанской мудрости, и давшаго успокоеніе его пылливой мысли ¹⁾. Онъ говоритъ, какъ представитель александрійской школы, которая слѣды божественнаго Логоса находила и въ писаніяхъ языческихъ мужей, и которая старалась находить точки соприкосновенія между разумомъ откровеннымъ и разумомъ естественнымъ и указывать гармонію между ними. Элективъ по природному стремленію своего ума, въ сферѣ правоученія онъ съ особеннымъ сочувствіемъ относился къ стоической философіи, которая своими строгими нравственными требованіями располагала въ свою пользу многихъ мыслителей христіанскихъ, и слѣды которой замѣтны у многихъ изъ греческихъ отцовъ, болѣе Климента чувствуемыхъ вселенскою церковію. И въ Педагогѣ, предъ развитіемъ своего правоученія въ его подробностяхъ, онъ беретъ у стоиковъ нѣскольکو общихъ понятій и опредѣленій, которыми думаетъ освѣтить раскрывающуюся предъ нимъ широкую область практической жизни, и при этомъ не стѣняется назвать прямымъ племенемъ тѣхъ ²⁾, у кого онъ считаетъ нужнымъ заимствовать доброе ученіе для ученія христіанскихъ нравственныхъ требованій. Вѣрный стоическимъ началамъ, Климентъ правильно добродѣтельною жизнью считаетъ жизнь, согласную съ здравымъ естественнымъ разумомъ, и грѣхомъ у него является все, несогласное съ здравымъ разумомъ. Философы (говоритъ онъ) всѣ страсти или возмущенія души опредѣляютъ ³⁾ такъ: страсть есть желаніе, не повинующееся разуму; страхъ есть движеніе души, не повинующееся разуму; удовольствіе есть возвышеніе души, не повинующееся разу-

¹⁾ Stromatum, lib. I. c. I. Patr. c. c. t. VIII, col. 700.

²⁾ Paedag. l. I. c. XIII. Patr. c. c. T. VIII. col. 373.

³⁾ Эти опредѣленія взяты у стоиковъ, которые всѣ страсти выводили изъ противленія разуму, и раздѣляли ихъ на четыре рода: похоть (ἐπιθυμία), страхъ (φόβος), печаль (λύπη), удовольствіе (τὸ βούλ). Климентъ въ своемъ исчисленіи страстей ощущаетъ третій видъ ихъ.

му. Итакъ если изъ неповиновенія разуму рождается грѣхъ, то послушаніемъ разуму не пріобрѣтается ли то, что называется долгомъ? Ибо добродѣтель есть расположеніе души, подчиненное разуму въ теченіе всей жизни... Когда первый человекъ согрѣшилъ и оказалъ неповиновеніе Богу, онъ согрѣшилъ противъ разума и уподобился скотамъ несмысленнымъ... Что дѣлается изъ повиновенія разуму, то слопки называютъ *προσῆκου* и *καθήκου* — долгъ и обязанность... Движительность христіанская поэтому есть обнаруженіе (*ἐνέργεια*) разумной души... Христіанская жизнь, какой мы теперь учимъ, есть какъ бы некоторая система разумныхъ дѣйствій, то есть, непогрѣшительное выполненіе всего того, чему мы научаемся отъ разума. Эта система — заповѣди Господни, которыя суть какъ бы божественныя правила, духовныя увѣщанія, написанныя въ насъ самихъ, и хорошо приложимыя въ намъ самимъ и нашимъ ближнимъ³⁾.

Не въ лицѣ однихъ стоиковъ служатъ Клименту есте ственный разумъ при опредѣленіи и развитіи нравственныхъ понятій и правилъ, имъ излагаемыхъ въ Педагогѣ. Онъ прекрасно знакомъ со всюю греческою классическою литературою, и цѣнитъ въ ней добрыя проявленія таланта человѣческаго, даруемаго избранникамъ рода нашего, и призывается къ руководящей роли на многообразныхъ путяхъ жизни нашей. Потому онъ не стѣняется явиться открыто съ своимъ богатымъ знаніемъ въ оградѣ церковной, и по требованію нужды или по ассоціаціи представленій, въ избыткѣ расточаетъ предъ вѣрующими пріобрѣтенія своего ума, добывая имъ многолѣтнимъ трудомъ въ писаніяхъ греческихъ поэтовъ и философовъ. На ряду съ Влблгвю, первую руководительною книгою его, служатъ ему произведенія греческаго гения, и цитаты библейскіе, приводимыя въ больномъ обиліи, перессылаются у него цитагами изъ Гомера (кн. II,

3) Расд. I. I. с. XIII. Ратт. с. с. Т. VIII, соф. 372—3

гл. 5, 7, 8, 11, кн. III, гл. 1, 2, 3, 7), Гезіода (III, 3, 5, 8), Пиндара (I, 10). Софокла (II, 2, 8, III, 11), Еврпийда (III, 2), Сафо (II, 8), Аристофана (II, 11) Менандра (I, 4, 11, 6, III, 2). Пифагора (I, 10), Платона (II, 3), Диогена (I, 6), Сп-монида (II, 8), Филемона (II, 11), Сивиллинскихъ книгъ (II, 10), и многихъ другихъ. Такой характеръ сочиненія условливается сколько личными стремленіями Климента, дошедшаго до вѣры длиннымъ путемъ изысканій и видѣвшаго въ вѣрѣ высшую философію, столько и расположеніями тѣхъ, среди которыхъ жилъ и училъ вѣрующій христіанскій философъ. Въ центрѣ просвѣщенія—Александрія приходилось дѣйствовать автору Педагога; его слушателями были люди, привыкшіе обращаться съ классическою литературою, и видѣвшіе въ ней самое дорогое наследіе древности. Цѣлота изъ любимаго ими писателя имѣла для нихъ особенную прелесть и убѣдительность: она поддерживала ихъ вниманіе и располагала ихъ къ скорѣйшему принятію сообщаемаго имъ. Черезъ внесеніе элементовъ классической учености въ свое твореніе Климентъ далъ ему болѣе выразительный видъ, и свое слово сдѣлать болѣе впечатлительнымъ для любителей естественной мудрости.

Во второй и третей книгѣ Педагога Климентъ раскрываетъ ту систему разумныхъ дѣйствій, общія начала которой онъ указываетъ въ первой книгѣ, и въ этомъ случаѣ рисуетъ широкую и назидательную картину. Въ ней рельефными чертами выставлены тѣ недостатки, какими въ нравственно-практической жизни страдало современное Клименту общество. Своимъ наставительнымъ словомъ отъ имени высшего Педагога александрійскій учитель хочетъ ввести въ должные предѣлы разгулявшуюся жизнь, не сдерживаемую разумомъ. Въ виду обличеній правоучителя, направленныхъ противъ современниковъ, въ виду его речности дать безпорядочной жизни разумное правило, въ насъ оживляетъ представленіе о нравственныхъ болѣзняхъ грѣко-римскаго общества, и въ картинѣ, рисуемой Климентомъ, каждый историкъ найдетъ для

себя общій матеріалъ. Но картина эта важна для насъ не по одному историческому интересу. Ее полезно воспроизвести и въ наше время: современный человекъ найдетъ въ ней безчисленное множество аналогій съ тѣмъ, что онъ видитъ вокругъ себя. А наставленія, даваемыя Педагогомъ Климента, такъ полны общечеловѣческаго разума, что прістущиваться къ нимъ необходимо всякому, думающему о благѣ жизни и правильной ея постановкѣ.

Показывая, каково должно быть поведеніе человека христіанина, Климентъ начинаетъ съ вещей вѣшнихъ: пици и питія, одежды и мебели, перебирать каждую отрасль жизни или каждую потребность человѣческой природы, и вездѣ показываетъ тѣ границы, за какія не должна заходить воля человека, стремящаяся къ удовлетворенію его потребностей. Мы видимъ у него полный „домострой“, который можно поставить во главѣ всѣхъ позднѣйшихъ произведеній такого рода и по времени и по достоинству. Почти всѣ стороны нашего житейскаго обихода обсмотрѣны въ немъ, и каждой указано направленіе, наиболѣе согласное съ нашимъ достоинствомъ и съ нашими собственными выгодами. Стоическія начала умѣренности и воздержанія, предписываемыя здравымъ разумомъ, стоятъ у него въ основѣ всѣхъ частныхъ предписаній, и ихъ онъ освящаетъ и укрѣпляетъ высшимъ авторитетомъ слова Божія, въ предположеніи согласія между правильнымъ разумомъ естественнаго человека и высшимъ Разумомъ божественнымъ, къ которому нашъ разумъ относится, какъ лучъ къ солнцу, его испускающему. Онъ обращаетъ вниманіе на вещи, которыя принято считать маловажными, и по видимому слишкомъ много занимается ими, въ своемъ начертаніи идеальной—образцовой жизни человека. Но его руководитъ при этомъ то справедливое представленіе, что изъ мелочей составляется нить жизни нашей, и что допуская послабленіе и распущенность въ вещахъ маловажныхъ, мы расслабляемъ волю и незамѣтно доходимъ до послабленій въ великомъ и

важномъ. Во всемъ, чего ни касается Климентъ въ практической жизни, онъ требуетъ отъ своихъ слушателей самоограниченія и простоты. Это требованіе самоограниченія вызвано у него изысканностью желаній и стремленій современнаго ему общества, диллженственностію жизни и болѣзненнымъ уклоненіемъ достаточныхъ классовъ отъ естественнаго порядка жизни, желательнаго съ точки зрѣнія разума. Такого рода болѣзнь поражала глазъ его, и онъ съ напряженіемъ ратовалъ противъ нея съ оружіемъ своего слова, и при этомъ такъ мѣтко и сильно изображаетъ ее, что его обличительныя тирады могутъ быть поставлены рядомъ съ картинами Ювенала.

Первый предметъ, которому посвящаетъ свое вниманіе Климентъ, очерчивая идеальную жизнь христіанина, — забота о тѣлѣ или управленіе тѣломъ, и въ частности *мита*, въ которой мы нуждаемся для поддержанія своего тѣла, — и онъ съ ищательностію входитъ въ подробное опредѣленіе этого предмета. Вопросы кухни, подробности касательно стола, рода и количества пищи, нужныхъ для нашего питанія, по видимому не должны бы занимать *перваго*, виднаго мѣста при опредѣленіи жизни, сообразной съ разумомъ и закономъ Божиимъ; такъ какъ въ широкой области жизни много другихъ сторонъ, требующихъ себя вниманія, болѣе близкихъ къ средоточію разумныхъ дѣйствій или обязанностей человека: но мы не будемъ винить Климента въ произвольномъ обращеніи съ вещами, подлежащими его разсмотрѣнію, когда припомнимъ, какое великое значеніе въ нашей жизни имѣетъ чувственность и ея требованія. По указанію христіанскаго закона и здраваго разума, человекъ, состоящій изъ души и тѣла, долженъ заботиться объ освобожденіи высшей части своего существа, именно духа отъ порабощенія низшей, то есть, отъ всѣхъ чувственныхъ пристрастій, могущихъ подавлять духъ и отнимать у него его свободу, долженъ думать болѣе объ удовлетвореніи чистыхъ потребностей духа, чѣмъ животныхъ потребностей

плоти. Но чувственность, если дать ей волю, съ своими пагоцивными требованиями, какъ узда сдерживаетъ полеты, и чѣмъ больше полагать ей, тѣмъ дѣлается она требовательнѣе и неогвизчивѣе. Подчиняясь ей, человекъ порабощаетъ духъ свой и стѣсняетъ его въ своихъ стремленіяхъ. Не даромъ первая заповѣдь, данная человеку въ раю, касалась пищи, и одинъ родъ пищи избранъ средствомъ для испытанія человека, устоять ли онъ въ добрѣ и послушаніи Богу, то есть, сохранить ли духъ отъ порабощенія желаніемъ чувственности. Не даромъ и церковь многократно входила въ обсужденіе этого предмета и дѣлала подробныя опредѣленія касательно постовъ, касательно рода и количества пищи, дозволенной христіанину при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и даже времени употребленія пищи вообще или того и другаго вида ея въ частности.

Въ самомъ началѣ второй книги Педагога, съ которой начинается описаніе нормальной жизни человека, Климентъ выставляетъ слѣдующее основное положеніе: кто подъ руководствомъ разума или слова внимательно станетъ обсуждать то, что въ человекѣ согласно съ его природою, тотъ увидитъ, что о вещахъ вышнихъ не слѣдуетъ много заботиться, а главнымъ образомъ нужно очищать глазъ души и плоть свою сохранять чистою и святою. Отсюда и пища какъ вещь вышняя, не должна быть предметомъ особенной заботливости. Иные люди *живутъ для того, чтобы есть*, что свойственно животнымъ не имѣющимъ разума, а намъ Педагогъ предписываетъ *есть для того, чтобы жить*. Ибо не главное наше дѣло—питаніе, и не наша цѣль—удовольствіе; но по причинѣ нашего здѣсь пребыванія является необходимою пища для поддержанія нашей жизни. Пищею мы должны пользоваться въ той мѣрѣ, въ какой она необходима и полезна для насъ; этого требуетъ нашъ разумъ. Согласно его требованію, пища у насъ должна быть простая и легкая, не смѣшанная съ различными лакомствами,—а всего того, что служить для изысканнаго удовольствія, мы должны избѣгать,

какъ неспужнаго и негоднаго для поддержанія жизни. Въ живи-
ни главное здоровье и бодрость силъ, а этому болѣе всего
служить пища легкая, чуждая всякой пысканности; при ней
хорошее пицевареніе, при ней легкость и удобоподвижность
тѣла; отъ нея надлежащій ростъ, доброкачественность соковъ
въ тѣлѣ и живая энергія силъ. Природа наша такъ устроена,
что разнообразная пища не полезна для тѣла. Напротивъ кто
пользуется простыми яствами, тотъ крѣпче, здоровѣе и бодрѣе
идущихъ роскошно, какъ напрымѣръ служи крѣпче и здо-
ровѣе господь, земледѣльцы помѣщиковъ, и не только крѣпче,
но и благоразумнѣе, какъ философы богатыхъ. Они не
обременяютъ ума яствами, не отемняютъ и не ослабляютъ
его удовольствіями; отъ того онъ дѣйствуетъ у нихъ живѣе. Излишняя
пища много вредитъ человѣку, душу дѣлаетъ сон-
ливую, не способною къ работѣ, а тѣло хлѣпымъ, подвержен-
нымъ болѣзнямъ.

Установивши такія общія начала въ рѣшеніи вопроса о
пищѣ, авторъ Педагога входитъ въ подробности, и при раз-
вагін ихъ у него наставленія пересылаются обличеніями. Въ
его живомъ текущемъ словѣ при этомъ виденъ строгій право-
учитель, мѣткій наблюдатель и пожалуй искусный сатирикъ.
„Должно избѣгать (говорить онъ) многообразныхъ яствъ,
отъ которыхъ раздается большой вредъ, образуются худыя
привычки тѣла и болѣзни желудка“. Поварское искусство онъ
называетъ злосчастнымъ искусствомъ, и оно вмѣсто того,
чтобы служить удовлетворенію тѣлесной потребности, только
портитъ вкусъ. „Смѣютъ называть питаніемъ заботу объ из-
пѣженномъ удовлетвореніи тѣла, ведущую къ вреднымъ удо-
вольствіямъ. Аппиошъ, делосскій врачъ, сказалъ, что одна
только причина болѣзней,—именно разнообразіе пищи. І ому
не нравится эта истина, тѣ изъ за какого-то пустаго тщеславія
избѣгаютъ умѣреннаго и воздержнаго рода жизни и съ
безпокойною заботливостію щуютъ заморскихъ яствъ. Для
меня жалка ихъ болѣзнь; а они не стыдятся хвалиться сво-
ими удовольствіями: съ заботливымъ и безпокойнымъ духомъ

они щцуть мурепъ (морскихъ угрей), водащихся въ проливѣ сицилійскомъ, угрей меандрескихъ, козлятъ мелосскихъ, головней сѣаѣскихъ (островъ моря эгейскаго), черепахъ пилорскихъ и устрицъ абидосскихъ; имъ нужны еще анчоусы липарскіе, редисъ магншейскій, свекла аскрейская, ктены (раковины) мевимнейскія, камбилы аттическія, дрозды датнійскіе, смолвы халдонскія, изъ-за которыхъ отправляеся въ Грецію несчастный персъ съ пятью стами тысячъ; кромѣ этого они ѣдятъ фасидскихъ птицъ, рябчиковъ египетскихъ, павлина мидійскаго. Пэмбія это приправамъ, предашныя сластолюбію съ разщутыми ртами спдятъ надъ столовыми запасамъ, приготавлиая для своей прожорливости все, что ни поаетъ земля и глубина моря и неизмѣримая шпрота воздуха. Кажется, эги нещатытныя и безпокойныя искатели пищи для своихъ сластей весь мѣръ желали бы уловить сѣтью: всюду производишумъ шплищными сковородами, изгощая всю жизнь свою оболотоловыхъ и кухонныхъ приборомъ, эги всепожирающіе люди поощають матерію подобно огню. А пищу всякую, имену хлѣбъ, они порягъ, просѣвая изъ него то, что въ немъ наиболее питательнаго, такъ что пища самая необходимая дѣлается униженіемъ удовольствія. У людей не имѣетъ никакой границы изнѣженное сластолюбіе. Они гошяются за разными печеніями и сластями, измышляя множество закусокъ, изыскивая все виды лакомства. А мѣръ кажется подобный челоувѣкъ ни чѣмъ шпымъ, какъ умомъ или челюстію. *Не желай* (говорять Писаніе ¹⁾) *брашенъ богатаго: сія бо имуть животъ ложень*. Они заботятся объ ягвахъ, которыя чрезъ нѣсколько часовъ навозъ принимаетъ: а намъ, щцунимъ небесной пищи, необходимо владычествовать надъ чревомъ, которое ниже неба, и гораздо болѣе надъ тѣмъ, что ему мило и пріятно ²⁾ 4.

Не изыческую только роскошь въ столѣ имѣеть въ виду Климентъ, когда представляегъ картины изнѣженнаго

¹⁾ Притч. XXIII, 3.

²⁾ Paed. I, II, c. I. Patr. c. c. t. VIII, col. 330—331.

и изысканнаго сластолюбія. Недостатокъ, имъ бичуемый, видѣнъ былъ ему и въ христіанскомъ обществѣ. Излишества въ столѣ проникли даже въ то свитое учрежденіе, которое называли священною агапою. Отъ того строгій церковный правоучитель усугубляетъ свою ревность и стыдитъ христіанъ, указывая имъ на то, какъ они извратили доброе учрежденіе первенствующей церкви. „Эту плотскую и пагубную жизнь (говоритъ онъ) иные смѣютъ называть агапами, злоупотребляя языкомъ. Безчестя священную агапу, прекрасное и спасительное дѣло Слова, разными горшками и жидкими похлебками, наноса поощеніе этому имени разными нитями, изысканными кушаньями и гухонною копотью, они оболыцаютъ себя мяншіемъ, что пирושками могутъ кунить себѣ обѣтованія Божіи. Для увеселенія бываютъ эти собранія, и мы, учреждая ихъ, должны бы звать ихъ вечеринками, обѣдами и пирושками. Господь не называлъ такихъ пирושекъ ἀγάπα“¹⁾... Агапы небесная пища, умное пиришествво... Положимъ, естественное употребленіе пици безразлично само въ себѣ. *Не входящее во уста* (говоритъ Господь) *сквернитъ человека, но исходящее изъ устъ, то сквернитъ человека* (Матѣ. XV, 11). *Брашно, по апостолу, насъ не поставляетъ предъ Богомъ: ниже бо аще ямы, избыточествуемъ: ниже бо аще не ямы, лишаемся* (1 Кор. VIII, 8). Но не прилично быть участниками трапезы бисовской (1 Кор. X, 21), тѣмъ, которые достойны божественной и духовной пици. Не должно намъ, живя роскошно и расточительно, злоупотреблять дарами Отца, подобно евангельскому сыну богатаго, но нужно пользоваться ими такъ, чтобы мы постоянно повелѣвали ими, чтобы по отношенію къ пицѣ мы были господами надъ нею, а не рабами ея. Прекрасная и весьма желательная вещь, обративши взоръ къ истинѣ, вкушать божественную пищу, которая свыше, и наполнять

¹⁾ col. 385.

себя неизчерпаемымъ созерцаніемъ Сущаго, вкушая твердое, прочное, чистое удовольствіе. Такую агану нужно намъ принимать. А то весьма неразумно и бесполезно и нечеловѣчно, по подобію откармливаемыхъ скотомъ, питаются для смерти, смотря внизъ на землю, и отъ земли всегда бросаясь на столы съ съѣстными запасами. веда жизни, преданную обжорству..., услаждая себя однимъ пожираніемъ пици, отъ чего повара больше дѣвятся, чѣмъ земледѣльцы ¹⁾.

Педагогъ не запрещаетъ совершенно упогребленія различныхъ дествъ. но только говоритъ, что не нужно много заботы прилагать о нихъ, не нужно показывать пристрастія къ нимъ и услаждаться ими. Если на примѣръ пригласить насъ въ собраніе, предлагаемое мы должны брать, чти пригласившаго насъ, но какъ прилично христіанамъ, считая безразличными приносимыя даровія кушанья, съ полнымъ равнодушіемъ смотря на принасы, которыхъ чрезъ нѣсколько времени советъ не будетъ. . Это дѣло неразумнаго показывать большое удивленіе и пзумленіе при видѣ того, что предлагается на припествахъ, еще гораздо неразумнѣе глазами пожирать яства. Прилично ли вставать съ сѣдалища, едва не выкасясь лицомъ въ блюда, изъ сѣдалища. какъ пзъ гнѣзда приподнимался, чтобы дыханіемъ вбирать въ себя разносящійся паръ кушанья? Уже ли разумно въ рукахъ держать приправы къ кушаньямъ пия постоянно протягивать ихъ къ столовымъ запасамъ, неумѣренно и неблагопристойно наполняя себя не по обычаю вкушающихъ, а по обычаю похищающихъ? Такіе люди по прожорливости похожи болѣе на свиней пия собакъ, чѣмъ на людей: они торопятся набѣгся, наполняя обѣ щеки вмѣстѣ съ сосудовъ, стоящихъ передъ ними; кромѣ того и потъ съ нихъ лететь, когда по причинѣ ненасытимости крѣпко сжимаются ихъ челюсти, и по причинѣ невоздержанія они тяжело дышать, съ неустойною по-

¹⁾ Патр. с. с. т. VIII. col. 392—3.

снѣдливостію, далекою отъ честнаго обычая, втискивая пищу въ чрево, какъ въ дорожный мѣшокъ и безъ мѣры не для пищеващенія нагружая себя съѣдобными матеріалами. Всегда худо переступать мѣру; въ пищу это болѣе всего не одобряется ¹⁾).

Рекомендуя воздержаніе, Педагогъ немало занимается указаніемъ тѣхъ приличій, соблюденіе которыхъ при столѣ предписывается разумному человѣку воздержному. Онъ совѣтуетъ своимъ слушателямъ, чтобы они во время стола остерегались всякаго рабскаго и неблагогороднаго дѣйствія, — чтобы благопристойно касались предлагаемаго, сохранивши незапачканными руку, бороду и мѣсто, ими при столѣ занимаемое, соблюдали неподвижное приличіе лица и не вели себя какъ илбудъ непристойно во время яденія, но чинно проглатывали руку къ кушаньямъ чрезъ известные интервалы (промежутки). Не совѣтуетъ Педагогъ и говорить за обѣдомъ. Тогда и голосъ непрямичный и не довольно выразительный; такъ какъ онъ изъ полныхъ щекъ не свободно выходитъ, — и языкъ, сжимаемый иницею, затрудненный въ естественномъ своемъ дѣйствованіи, издастъ неясный и какъ бы сдавленный звукъ. Не приличнымъ кажется Клименту вмѣстѣ п ѣсть и пить: это признакъ великаго невоздержанія соединять вмѣстѣ то, совместное употребленіе чего неудобно ²⁾).

Въ заключеніе своихъ наставленій о столѣ и пищѣ, Педагогъ напоминаетъ своимъ слушателямъ, что мы созданы не для того, чтобы ѣсть и пить, но чтобы познать Бога, и что хотя все создано для людей, но не все мы и не всегда для своего блага мы должны пользоваться. И удобное для употребленія можетъ вредить жазни, когда принимается безъ разума. Столъ истины долженъ быть далекъ отъ щекочущихъ и раздражающихъ яствъ и возбуждающихъ къ Вешерѣ. Пужно остерегаться еще и такой пищи, которая побуждаетъ

¹⁾ col. 396—7

²⁾ col. 400

насъ ѣсть, хотя бы мы и не алкали, обманывая аппетитъ пашь какъ бы чарами каками. „Пѣтъ яетьвъ лучше всего тѣ, которыми всегда можно пользоваться безъ огня,—такъ какъ они всегда готовы: затѣмъ тѣ, которыя проща п дешевле. А тѣми, которые пажими наглошность къ роскоши столовъ, владѣеть великій демонъ поажпратель, котораго я не робуюсь назвать демономъ чрева, худшимъ п пагубнѣйшимъ изъ всѣхъ демоновъ“¹⁾.

Послѣ наставленій касательно пищц. Климентъ (во 2-й главѣ 2-й книги) переходитъ къ указанію правила касательно *питья*. Здѣсь тѣже правила умеренности и воздержанія, какия развивалъ Педагогъ въ первой главѣ о пищц.—гоже осужденіе изысканной роскоши, какая видна была у его современниковъ, и тоже указаніе неприличій, какия допускались въ самомъ способѣ употребленія питья. Въ подробностяхъ, въ какия входитъ при этомъ Климентъ, вы читаете много умныхъ замѣчаній и совѣтовъ касательно видовъ питья, дозволительнаго человеку-христіанину, касательно лицъ и времени, которымъ и въ которыя можно законопно употреблять извѣстный видъ питья, касательно количества питья и тѣхъ вышнихъ пріемовъ, какия замѣчались и какия *не должны бы были терпимы въ употребленіи питья*.

Самое естественное и всѣмъ необходимое питье—это вода. Одно это питье Господь дагъ евреямъ, изведши его изъ камня. Но послѣ мы видимъ дозволеннымъ п употребленіе вина. П Господь, пашь І. Христосъ освятигъ употребленіе вина своимъ примѣромъ п еще болѣе своимъ благословеніемъ, когда на вечера, взявъ чашку, сказалъ: *пйте отъ нея вси: сия бо естъ кровь Моя новаю завета. яже за многа илнвоаема во оставленіе грѣховъ* (Матѣ. XXVI, 27- 28) П Апостоль совѣтуеть Тимооею принимать немного вина *стомаха ради п частымъ его недугомъ* (1 Тим. V, 23). Умеренное употребленіе вина такимъ образомъ не можетъ быть возбу-

¹⁾ Сл 404.

нено христіанству. Но Климентъ хвалитъ тѣхъ, которые избѣрали строгую жизнь, и пьютъ одну только воду, — лекарство умѣренности, а вина совершенно избѣгаютъ.

Онъ не желаетъ дать, чтобы вино, дозволенное человеку, шло все безъ различія. Но его воззрѣнію, молодые люди — юноши и дѣвицы, а потомъ даже женщины вообще, должны бы воздерживаться отъ вина. Пылкому возрасту неидетъ выпивать въ себя вино, горячайшую пѣзъ всехъ влагу: это все равно, что къ огню прибавлять огонь. Отъ этого возбуждаются необычныя стремленія, пылкія страсти и ошеченныя нравы; разгоряченные внутри юноши устремляются къ похотямъ, такъ что п тѣло ихъ показываетъ признаки будущей гибели въ преждевременномъ созрѣваніи органовъ похоти. У вскрѣвшихъ отъ вина въ тѣлѣ происходятъ безсладныя движенія, переступающія границу цѣломудрія. И отъ тѣла воспламеняется рана души, вмѣсто воздержанія и скромности является безпорядокъ: здѣсь конецъ стыдливости, лучшаго украшенія юности. Похотливыя пожеланія юнгопей по возможности нужно стараться истребить, и среди еловъ или обѣда пусть они совершенно воздерживаются отъ вина, для себя опаснаго. Если же жажда приступить, водою нужно угождать ее. Да и самую водою не слѣдуетъ чрезмѣрно наполнять, чтобы нища, по разжижаясь, удобнѣе варилась въ нашемъ желудкѣ, и въ большемъ количествѣ переходила въ нашу плоть.

Для женщины не одного юнаго возраста Климентъ считаетъ вино опаснымъ. Женщины легко увлечены къ несчастному поведенію, лишь только позволитъ она душѣ своей предаться удовольствію. *Гнѣвъ великъ* (говоритъ сынъ Спрахонъ) *жена пиянчива*. А почему? потому что *студа своего не покрываетъ* (Сир. XXVI, 10). Женщина по своей природѣ болѣе мужчины должна окружать себя стыдливостію и забывать всего, что можетъ угрожать ей лишеніемъ этого украшенія.

слѣды проповѣдничества въ Отеч. письменности. 313

Педагогъ дозволяетъ употребленіе напитковъ людямъ похлѣбнымъ, чтобы холодный възрѣть, увидающій отъ времени, они возбуждали гнѣвомъ виноградной лозы. Стремленія людей почтенныхъ дѣтъ болѣе безопасны отъ крушеній опьяненія. Утвержденные разумомъ и временемъ, какъ бы какими якорями въ пристапи, они легче выдерживаютъ бурю страстей, возбуждаемую пьянствомъ... Впрочемъ и они должны соблюдать нѣкоторую границу въ пиить, чтобы сохранить не поврежденнымъ разумъ, свѣжею память. а тѣло твердымъ и бодрымъ. Какъ нищю нужно пользоваться для того, чтобы не алкать, такъ и вино употреблять для того, чтобы не жаждать, тщательно остерегаясь, чтобы не пасть. Пбо вещь чрезвычайно опасная вино. Только при умѣренномъ употребленіи его душа наша можетъ быть чистою, трезвою и свѣглою. А трезвая душа самая мудрая и прекрасная душа, наиболѣе способная къ созерцанію; такъ какъ она не отягчена выходящими изъ вина испареніями.

Климентъ не отрицаетъ пользы вина, какъ дара или творенія Божіи. Онъ соглашается съ тѣмъ, что его можно употреблять для оживленія души и увеселенія сердца и для здоровья тѣла. Оно приводитъ человека въ пріятное расположеніе духа, дѣлаетъ его болѣе любезнымъ съ друзьями и собесѣдниками, болѣе благосклоннымъ и снисходительнымъ къ слугамъ. Оно своею теплотою способствуетъ уничтоженію дурныхъ экскрементовъ въ желудкѣ и своимъ сладкимъ сокомъ разбиваетъ и умѣряетъ острые и дурные соки. Но это дѣлаетъ оно при умѣренномъ употребленіи. А отъ неумѣреннаго употребленія вина и языкъ запинается, и губы распуcaются; и глаза разбѣгаются, когда отъ множества влажности зрѣніе какъ бы плаваешь въ водѣ; при ослабленіи его, предъ нимъ все носится въ кругѣ; оно не въ состояніи различать дальнихъ предметовъ, и часто единственныи предметъ раздѣляется предъ нимъ на нѣсколько видовъ. или существъ. „Для болѣе живаго изображенія вредныхъ дѣйствій опьяненія, Климентъ обращается къ свидѣтельствамъ Еври-

вида и Софокла, и голоса языческих поэтовъ забрѣняесть приговоромъ библейскаго мудреца, премудраго сына Сираховъ: *Горестъ души вино темно много въ распри и клеветы; умножаетъ пѣнство ярость безумнаго, на претыканіе умалая крѣпость, и сотворя струнїя* (Сир. XXXI, 34—35).

Въ виду такого дѣйствїя неумѣреннаго вина Климентъ рекомендуетъ смѣшивать вино съ обильною водою, не совѣгую пить его, какъ воду. Оба они творенїя Божїи, и смѣшеніе того и другаго, то есть, вина и воды, ведетъ къ здоровью: такъ какъ жѣзизъ состоитъ изъ необходимаго и полезнаго. Потому къ необходимому, именно водѣ, нужно примѣшивать нечто и изъ полезнаго, именно вина.

Не во всякое время, по наставленїямъ Климента, вино можетъ быть одинаково полезно; и не во всякое время оно должно быть одинаково употребляемо. Здравый разумъ болѣе дозволяетъ употребленіе его зимою по причинѣ холода, чѣмъ лѣтомъ, когда и безъ вина жарко. Дальше въ теченїе дни вино можно утѣплять вечеромъ во время ужина, когда мы уже не имеемъ въ виду заниматься болѣе серьезнымъ чтенїемъ или другими важными дѣлами, требующими напряженїя. Тогда и воздухъ холоднѣе, чѣмъ въ другїе дневные часы, и потому естественно согрѣвать природную температуру избыточною теплотою. Но при этомъ нужно пользоваться виномъ не въ большомъ количествѣ, отнюдь не приступая къ чаши безчестїи.

Часты и обычны неумѣренныя возліанїя на широкость, и потому Климентъ желалъ бы ввести въ широкства разумъ, который на подобіе Педагога сдерживалъ бы здѣшнїе широкства и не давалъ бы неразумнымъ доходить до упоенїя. Онъ выводилъ предъ взоры своихъ слушателей тѣхъ жалкихъ людей, которые, пзюция воздержанїе изъ широкства, неумѣренность въ попойкахъ считаютъ блаженною жизнью, в которыхъ жизнь проходить въ постоянномъ широканїи и пьянствѣ: одинъ изъ нихъ представляеть изъ себя часто видъ подумертвѣхъ, спотыкаются и не могутъ твердо держатся;

другіе являются грязными, блѣдными или багровыми въ лицѣ, и не прославившись, къ вчерашнему кутежу присоединяютъ новый кутежь. Выставляя такіа смѣшныя и жалкія картины, Климентъ выражаетъ желаніе, чтобы онѣ удалили его друзей отъ подобной жизни и заставили ихъ цѣлѣнно воздержаніе.

Заботясь о воздержаніи, Педагогъ нападаетъ на изысканный вкусъ къ винамъ людей, располагающихъ средствами. „Не нужно (говорить онъ) съ большимъ стараніемъ искать ни хіосскаго ни арузійскаго вина, если нѣтъ его... Вознятія зиморскихъ винъ признакъ ослабѣвшаго отъ неуверенности аппетита, когда духъ нашъ безумствуетъ въ желаніяхъ. Люди съ изысканнымъ вкусомъ пьютъ и египетское вино, и лебосское, отличающееся ароматическимъ пріятнымъ запахомъ, и какое-то особенно сладкое критское, и вкусное спракусское, и какое-то египетское мендозское, и вакосское, и другое душистое вино, привозимое изъ итальянской земли, много ихъ названій; а для умѣренного гостя нужно одно вино, воздѣлываемое единымъ Богомъ. Ужели каждому достаточно для утоленія его жажды вина рожденнаго въ его отечествѣ? Пожалуй, еще и воду будутъ возить изъ чуждыхъ краевъ, какъ дѣлали глупые цари ¹⁾. Есть въ Индіи Хоаснъ рѣка, вода которой—хоаснская—считается самою лучшею для питья“ ²⁾.

Нужно, по наставленію Климента, весьма заботиться и о соблюденіи приличія во время питья, то есть, нужно пить съ лицомъ спокойнымъ и не покривленнымъ, не нужно хвататься за чашу съ чрезмерною жадностію, не нужно неприлично водить глазами предъ тѣмъ, какъ пить, не нужно предлагаемое для питья поглощать невприточно съ невоздержанностію, чтобы не замочить бороды, не залечь одежды, что случается, когда питье вдругъ (залпомъ) вливается. Журча-

¹⁾ По свидѣтельству Геродота, царь Киръ пилъ только эту воду. Негод. I. I. c. 18. Плиній тоже говоритъ о царяхъ заревельскихъ Рибн. ? XXXI.

²⁾ P. c. c. T. VII. c. I. 425.

нѣ, издаваемое тогда, когда вино стремительно хватають, и однимъ духомъ выпивають, точно вливають въ глянцный сосудъ.—когда влокачегъ въ горлъ при быстромъ нагруженіи его виномъ, это гнущее и недриличное зрѣище невоздержанія. Не свѣши, другъ, къ своей нагубѣ. Не отпнется отъ тебя питье: оно дано тебѣ, оно ожидаетъ тебя. Не торопись разрывать лицо свое, хватая питье съ разинутою пастью. Уголитя твоя жажда, хогя и позже будешь пить, честно и прилично веди себя, когда напьютъ, какъ и слѣдуетъ, раздѣляется по частямъ .. Другое цесрличіе бросалось въ глаза Клименту и выставлено имъ въ Педагогѣ, когда онъ обращалъ вниманіе на поведеніе женщинъ. Ему не нравилось, что онѣ пьютъ изъ алебастровыхъ сосудовъ съ чрезвычайно узкимъ горлышкомъ, какъ онѣ при этомъ загибають голову, нецѣломудренно обнажаютъ шею и вытягивая горло выпивають въ себя питье. — какъ будто стараются обнажить для ириующихъ то, что могутъ. Климентъ не запрещаетъ пить изъ алебастровыхъ сосудовъ, но онъ осуждаетъ стараніе пить изъ нихъ однимъ, какъ гордое и тщеславное. Далѣе, его цѣломудріе предписываетъ не позволять женщинамъ обнажать какую либо часть своего тѣла предъ мужчинами, чтобы они не пали оба. Всегда вѣдь нужно вести себя честно, какъ бы въ присутствіи Госнода, чтобы намъ, какъ константинамъ, не сказалъ Апостолъ: *сходящимся вамъ вкутъ, исть Господскую вечерю ясти* (1 Кор. XI, 20).

Послѣ вина и питья, Климентъ обращаетъ вниманіе на *омашиную мебель и столовые сосуды и приборы* (Кн. 12, гл. 3). Видно изъ его изображеній, что въ этомъ отношеніи у его богатыхъ современниковъ замѣчалась необыкновенная роскошь... Учитель христіанскій слишкомъ несочувственно отнесся къ этой роскоши. Онъ представляеть бесполезнымъ и суежнымъ употребленіе сосудовъ, серебряныхъ, золотыхъ или обдѣланныхъ драгоценными камнями; такъ какъ они только обольщаютъ зрѣніе. Владѣніе золотомъ и серебромъ кажется ему ненавистнымъ, если оно превышаетъ употребле-

ніе или вступаетъ въ границы излишняго: вещи изъ дорогихъ металловъ или вообще матеріаловъ рѣдки для пріобрѣтенія, трудны для сохраненія и неудобны для пользованія. Должна быть изгнана отъ насъ нашими установленіями пустая слава въ употребленіи сосудовъ, чеканныхъ на стеклѣ, такъ какъ по причинѣ искусства они скорѣе разобьются, и когда пьешь изъ нихъ, боишься за ихъ чистоту. Серебряныя кресла, тазы и блюда, тарелки и чаши и другіе золотыя и серебряныя сосуды, швы для пицци, а другіе для другаго употребленія, о которомъ стыдно и говорить, трепожники изъ рѣзнаго кедра, изъ чернаго дерева (привозимаго изъ Индіи), отбѣланные слоновою костью, кровати съ серебряными пожатками, уложенныя слоновою костью, — ложа для возлежащихъ инкрустированныя золотомъ и украшенныя черепашьею раковиною, отбѣла изъ пурпуры и другіихъ дорогихъ тканей, трудно изготовляемыхъ, — все это свидѣтельство необыкновенной изысканности, все это опасныя пріобрѣтенія зависти и испорченной глупости... Вещь въ высшей степени достойная посмѣянія, когда мужчины употребляютъ серебряныя и стеклянные уриальники, и когда неразумныя богатыя женщины изъ золота дѣлаютъ вмѣстителище для экскрементовъ, какъ будто изъ безъ гордости нельзя отправлять и низкаго дѣла природы.

Если намъ для обработки поля нуженъ заступъ и соха, то нѣкто обыкновенно не дѣлаетъ заступа серебрянаго, и мы пользуемся въ этомъ случаѣ глѣмъ матеріаломъ, который наиболѣе пригоденъ для дѣла, а не тѣмъ, который богаче. Отъ чего такимъ же образомъ не поступать по отношенію къ домашнимъ сосудамъ? Главное здѣсь пригодность для дѣла, а не дороговизна и великолѣпіе. „Скажи мнѣ пожалуйста (говоритъ Климентъ) ¹⁾: ужели не разрѣжеть того, что нужно, ножъ, положенный на столъ, если онъ не серебряный, или если ручка его не изъ слоновой кости? Ужели намъ для

1) Paed. I. II. c. III. P. c. c. T. VIII. col. 436 — I

разрѣзыванія мяса нужно подійское желѣзо (какъ будто мы здѣсь призываемъ помощь какую-то противъ врага)? И если у насъ глиняный тазъ, то ужели не отстанеть грязь отъ рукъ или ногъ нашихъ, изъ него омываемыхъ водою? И не будетъ ли уныненіемъ для стола съ ножкой изъ слоновой кости, если намъ придется класть хлѣбъ, стоящій одинъ оболь? Или свѣтъильникъ ужели не дастъ свѣта, когда онъ дѣло горчешника, а не художника? А я скажу еще, ужели простая кровать доставляетъ худшее ложе, чѣмъ кровать изъ слоновой кости? И если для постели достаточно одной кожи, такъ что не нужно пурпуровыхъ и финскійскихъ ковчей, а между тѣмъ осуждаютъ и презираютъ ее за дешевизну изъ-за глупости наслажденій, приносящихъ разореніе, то какое это заблужденіе и какое пустое пристрастіе къ красоте! Смотрите: Христосъ принималъ пищу въ деневой чашѣ, и приглашалъ учениковъ возлежать на травѣ,—омывать ихъ ноги, омытый полотнянымъ уборомъ, не принесши для этого съ неба серебрянаго умывальника, и когда просить питься у самаритки, черпавшей воду глинянымъ сосудомъ изъ колодези, то не искалъ царскаго сосуда, научая тѣмъ легко и дешево утолять свою жажду. На пириествахъ Онъ ѣлъ и пилъ, не выкапывая изъ земли металловъ, и не пользуясь золотыми и серебряными сосудами. Вообще и пища, и одежда, и сосуды, и мебель, и все, что въ домѣ, и самая, такъ сказать, жизнь,—все должно быть согласно съ требованіями истиннаго идеала христіанина-человѣка, и все должно быть сообразно съ лицомъ, возрастомъ, склонностями и временемъ. Такъ какъ мы служители одного Бога, то и все то, чѣмъ мы владѣемъ, наша мебель и все наши вещи необходимо должны служить выраженіемъ единой честной жизни, и каждый человѣкъ долженъ дѣлать то, что согласно съ однообразнымъ установленіемъ, намъ даннымъ отъ Бога“.

Отъ виѣшней помпы и роскоши къ внутреннимъ достоинствомъ души склоняетъ Климентъ умы своихъ слушателей⁸ и читателей. Ему кажется слишкомъ мелкимъ, даже

пустымъ дѣломъ величаться дорогою мебелью и дорогими сосудами. Такія вещи желающій можетъ купить на рынкѣ, и недостойно человѣка ими насыщать свои желанія. Гораздо лучше, гораздо достойнѣе пріобрѣсти мудрость, которая продается не на торжищѣ, а на небѣ, и которой нельзя купить за наши земныя деньги. Пусть каждый изъ вѣрующихъ, не увлекаясь мнугною вишнею пышностію, старается спяскать то, что составляетъ истинное благо, и чего нельзя похитить, именно вѣру въ Бога, исповѣданіе Пострадавшаго, благотворительность ближнимъ. Драгоценнѣе злѣхъ владѣній нѣтъ на землѣ.

Педагогъ Климента, въ заботахъ объ устроеніи жизни человѣка по идеалу, начертываемому разумомъ и откровеніемъ, послѣ наставленій касательно пищи, питья и домашней мебели, преподастъ правила о томъ (гл. 4—7), *какъ нужно вести себя въ обществѣ, какъ и чѣмъ нужно развлекать себя на пиришествахъ, и чего нужно избѣгать* честнымъ людямъ во взаимныхъ общественныхъ собраніяхъ. Правила приличія и вишней благопристойности проводятся имъ очень далеко: онъ подвергаетъ своему обсужденію такія дѣйствія и явленія нашей ежедневной жизни, мимо которыхъ мы обыкновенно проходимъ безъ вниманія, такія частности нашего поведенія, которыя на глазахъ большинства имѣютъ видъ безразличныхъ поступковъ въ нравственномъ отношеніи. Не только удовольствія, испытываемыя нами на пиришествахъ, но и наша тѣлесная поза, наши физическія движенія, вызываемыя природою или необходимостію, нашъ разговоръ, нашъ смѣхъ, мѣра употребленія голоса въ бесѣдѣ, — все это, по мысли Педагога, должно быть сообразовано съ правиломъ, все это и тому подобное должно быть подчинено строгой дисциплинѣ разума.

Клименту не нравятся тѣ пустые и нескромные вечера, кои, при обѣденіи и пишетвѣ доходятъ довольныя пѣсни, и довольныя удовольствія и развлеченія. Возбуждающія похоти, и смѣхъ, который столотъ возмечать врозь, а смѣхъ

различней, допускавшихся на современныхъ ему пиришестввахъ. Въ особенности это осужденіе заслужила чувственная языческая музыка, ядъ которой, раздражая и пѣтѣживая слухъ, убивала скромныя нравы и цѣломудренныя чувства. Зрѣлищемъ гнуснымъ, театромъ распутства, по его представленію, является пиришество, когда на немъ нескромно обращаются собраніи, при игрѣ на флейтахъ, кимвалахъ, тимпанахъ и другихъ музыкальныхъ инструментахъ, при пляскахъ египетскихъ и другихъ подобныхъ упражненіяхъ. Можно допускать скромныя и цѣломудренныя гармоніи: но всеячески должно избѣгать пѣтѣживающей музыки, несчастливимъ искусствомъ звуковъ расслабляющей нашу умъ и нарушающей миръ и тишину чувства. Кто умѣетъ пѣть или играть на лирѣ, тотъ эгчѣ не заслуживаетъ себѣ упрѣка. Это дѣлалъ и праведный царь Давидъ, благодаря Бога. Но если мы хотимъ достойно пользоваться пріобрѣтеннымъ нами искусствомъ пѣнія или игры на музыкальномъ инструментѣ, то любовныя пѣснѣи должны быть нашимъ упражненіемъ, а хвала Богу, Создателю вселенной, и благодареніе Ему за тѣ благодѣянія, какими Онъ ущедряетъ насъ.

Не забудеть, по наставленію Педагога (гл. 7), на пиришествственныхъ собраніяхъ насмѣхаться надъ другими, отъ чего рождается оскорбленіе, а отсюда споры, вражда и разныя несприятности. Для любви и по любви сходятся на пиришества: цѣль ихъ—укрѣпленіе взаимныхъ добрыхъ отношеній между людьми. За чѣмъ же здѣсь, вопреки цѣли пиришества, вражду вызывать насмѣшками?...

Юноши и дѣвѣцы совершенно должны воздерживаться отъ галкъ пиришествъ, на которыхъ мало приличнаго, слышнаго дурные разговоры и представляются неспристойныя зрѣлища. Люди нетвердаго возраста падки на вещи, льстящія страстимъ, и опасныя для ихъ цѣломудрія. Педагогъ не рекомендуетъ показываться въ собраніяхъ, гдѣ пьютъ, замужнимъ женщинамъ. Если же какая необходимость заставитъ ихъ явиться туда, онѣ совѣтъ должны покрывать себя

СЛѢДЫ ПРОПОВѢДНИЧЕСТВА ВЪ ОТЕЧ. ПИСЬМЕННОСТИ. 117

приличною одеждою, а свугутри стыдливостію. А для пезамужскихъ крайнее безчесіе присутствовать при пиршествахъ мужей, да еще пьяныхъ.

И мужчинамъ въ собраніяхъ нужно соблюдать возможное приличіе. Глаза свои они пусть обрацають къ лицу, и пусть, не вергясь, а оперившись на локоть нескромно возлежа, внимательно слушають бесѣду. Если же сидеть они, то не нужно часто передвигать ноги, не нужно одну ногу класть на другую, не нужно руку держать у подбородка. Часто двигаться и мѣнять фигуру—знакъ легкомыслія.

Скромность требуетъ даже, чтобы въ лицѣ и шги брать меніше и поздише, не спѣша, и прежде другихъ преставать вѣть или цигь, и вообще показывать себя наименѣе преданнымъ тѣмъ вещамъ. Не должно прежде другихъ всакивать, при поднесеніи кушанья, какъ бы возбуждаемымъ обжорствомъ, не нужно, какъ звѣрямъ, хвататься за пищу и жадно поглощать ее; не нужно много набирать кушанья. Признакъ умѣреннаго челоѡвѣка—прежде другихъ вѣтатъ изъза стола и легко держать себя послѣ пиршества.

Педагогъ хочетъ, чтобы на пиршествахъ все сохранили серьезный видъ. Христианину и челоѡвѣку разумному свойственно спокойствіе, миръ и тишина. У него должны отличатся возможнымъ ограничить все движенія, обращеніе головы и жесты рукъ во время разговора. Самые произвольныя движенія въ пальцахъ тѣлѣ у него должны быть управляемы. Такъ не нужно часто плевать, харкать и сморкаться на пиршествѣ. А если съ кѣмъ случится отрывка или чиханье, не должно возмущать ближнихъ звукомъ, что служитъ свидѣтельствомъ дурнаго воспитанія, а отрывку съ выдыхаемымъ воздухомъ нужно сдержанно выпускать, сложивъ прилично уста; также сдерживать нужно и чиханье, стѣсняя понемногу дыханіе.

Бесѣды, держимыя среди пиршественныхъ собраній, въ своемъ теченіи не должны подчиняться беспорядочному случаю или дурнымъ наклонностямъ людей невысокаго разума.

Всякая соблазнительная вольность, всякая грубая шутка должны быть изгнаны из ихъ. Старика, смотря на юношей, какъ на дѣтей своихъ, могутъ изрѣдка обращаться къ нимъ и съ легкою шуткою, адресуя имъ какое либо слово, паучающее ихъ приличію. Если же найдутся люди, которые станутъ насмѣхаться надъ другими, намъ нужно молчать и слова лишнія, какъ полные бокалы, отстранять отъ себя. Старшій, говори на иришествѣ: тебѣ это прилично, — но говори осторожно и разумно. Юноша, тебѣ мудрость позволяетъ говорить по требованію нужды, когда къ тебѣ обратятся съ вопросомъ, но не распространяй рѣчи своей. Тотъ и другой, кто будетъ говорить, пусть и въ голосѣ своемъ соблюдаетъ правильную проторію. Громкій крикъ при провиненіи вещь неразумная: у скромнаго и благоразумнаго челоука въ голосѣ должна бытъ умѣренность. Не нужно говорить ни слишкомъ прогважно, ни слишкомъ скоро и бнстро. Не хорошо много говорить и тѣмъ болѣе болтать безъ смысла. Неблаговременнымъ и невоздержнымъ болтунамъ нужно закрывать уста, какъ Фереугу.

Изъ обыденныхъ явленій, видимыхъ въ нашихъ собраніяхъ, два обращаютъ на себя особенное вниманіе Кляментя, — это именно *смѣхъ* и *экзерцисловіе*, и о томъ и о другомъ мы трактуемъ въ особыхъ нарочитыхъ главахъ.

Смѣхъ нужно ограничивать, по совѣту Педагога (гл. 5 кн. 2). и если онъ почему-либо долженъ явиться, то долженъ явиться въ приличной и честной формѣ: иначе это будетъ невоздвращаніе. Что естественно людямъ, то никакъ не нужно истреблять; но для этого нужно приличное время и приличный способъ. Не нужно смѣяться потому только, что челоукъ есть живое существо, одаренное способностію смѣха, какъ и конь, которому свойственно ржать, не всегда ржетъ. Какъ существамъ, одареннымъ разумомъ, намъ нужно здѣсь, какъ во всемъ, соблюдать пристойность, съ пріятностію ослабляя строгость нашей серьезности, но не распускаемъ безъ мѣры. Не нужно быть мрачными, но нужно

быть серьезными, и улыбка скорѣе можетъ быть допущена въ томъ, кто и при смѣхѣ кажегся съ строгимъ лицомъ, чѣмъ на оборотъ. Самой улыбкѣ нужно учиться и очищать ее, и если она возбуждается гнуснымъ дѣломъ, кажется лучше краснѣть, чѣмъ смѣяться, чтобы не показаться сочувствующими тому дѣлу. Не прилично смѣяться зря во всякомъ мѣстѣ и предъ кѣмъ бы то ни было, напримѣръ въ присутствіи старшихъ или тѣхъ, кого нужно почитать, развѣ если они сами что нибудь забавно расскажутъ для нашего увеселенія. А что касается забавниковъ, которые поставляютъ для себя какъ бы задачу возбуждать смѣхъ въ другихъ, то они должны быть изгнаны изъ нашего общества.

Педагогъ съ особенною настойчивостію предостерегаетъ (въ 6 гл. 2 книги) своихъ питомцевъ отъ *сквернословія* и тѣхъ гнусныхъ рѣчей или бесѣдъ, въ которыхъ распространяются олюбодѣйныхъ дѣлахъ и паруютъ цѣломудренную скромность человека. Онъ требуетъ, согласно съ Апостоломъ, чтобы никакое гнилое слово не выходило изъ устъ нашихъ, а только доброе для назиданія въ вѣрѣ, дабы оно доставляло благодать слушающимъ (Еф. IV, 29), и возстаетъ противъ тѣхъ вольныхъ и гнусныхъ словъ, которыя означаютъ секретныя части нашего тѣла; такъ какъ отъ нецѣломудренныхъ словъ легко дойти до нецѣломудреннаго дѣла. Быть скромнымъ въ словахъ значитъ упражнять себя въ подавленіи приступовъ похоти. А если въ присутствіи нашемъ будутъ предаваться другіе гнуснымъ бесѣдамъ, то нужно заграждать уста ихъ, показывая имъ строгій видъ, отворачивая отъ нихъ лицо свое, или обращаясь къ нимъ съ насмѣшкою, а не то съ строгою рѣчью. Чтобы спасти свой слухъ отъ подобныхъ рѣчей, Педагогъ совѣтуетъ имѣть общеніе съ людьми цѣломудренными: кто обращается съ святыми, тотъ самъ освящается.

Неблагопріятно смотритъ Климентъ на употребленіе *благовонныхъ маселъ и вѣнцовъ изъ цвѣтвъ* (гл. 8 кн. 2). Эти

вещи не необходимы для насъ; но онѣ могутъ вести къ похотямъ и сладострастію. Потому не слѣдуетъ гоняться за ними. Мужамъ нужно благоухать прежде всего не искусственными духами, а честною жизнію; жена пусть благоухаетъ не вишними благовоніями, а Христомъ, который есть царское помазаніе; пусть она всегда помазуется божественнымъ помазаніемъ сгдыдливости и цѣломудрія... Не нужно впрочемъ и отвращаться совершенно отъ мастей, подобно коршунамъ или хрущамъ, которые, говорятъ, умираютъ, если помазть ихъ розовымъ масломъ. Но пусть не многое беретъ изъ нихъ себѣ женщина; а главу мужа вовсе не должны отягощать онѣ. Чрезмѣрное мазаніе благовонными маслами прилично больше мертвымъ, чѣмъ живымъ... Изысканныя нѣжныя масти, вы думаете, не могутъ ослаблять благородныя нравы? И весьма. {Какъ отъ вкуса мы отстраняемъ излишнія сласти, такъ должны удалять излишнее удовольствіе отъ обонянія и зрѣнія, чтобы чрезъ чувства, какъ чрезъ пѣкоторыя двери, не нашло доступа въ душу невожатаніе... Мاستями и благовонными маслами нужно пользоваться какъ лекарствомъ для возбужденія ослабѣвающихъ силъ, противъ катарровъ, простуды и утомленія. А удовольствіе, никому не приносящее пользы, возбуждаетъ подозрѣніе въ сладострастныхъ нравахъ и способно возбудить похоть.

Тоже самое, что о благовонныхъ мастяхъ, Климентъ говоритъ и о вѣнкахъ изъ цвѣтовъ. Цвѣты созданы для человека, и мы, смотря на красоту ихъ, должны хвалить и славить великаго Художника. Мы можемъ съ благодарнымъ духомъ употреблять ихъ для необходимой пользы, вмѣсто лекарства и для умѣреннаго оживленія. Но употреблять вѣнки при пиршествахъ и возліаніяхъ и цвѣтами украшать свою голову дѣло малоразумное. Увѣчаные вѣнками терпятъ наслажденіе цвѣтовъ и не обяуютъ отъ нихъ запаха; такъ какъ вѣнонь выше глазъ ихъ, и сладость запаха разливается выше головы ихъ. А красота, какъ и

слѣды проновѣдничества въ Отеч. и неизмѣнности. 121

цвѣты, увеселяетъ только тогда, когда видима. Да и къ чему это скоропреходящее и вредное упогребленіе цвѣтовъ, срываемыхъ съ чистаго дуга? Употребленіе ихъ помимо зрѣнія не увеселеніе, а наглость и похоть. Увеселять себя намъ нужно честно какъ въ раю. по Писанію: въиномъ жены пусть будетъ мужъ, въиномъ мужа жена; цвѣты ихъ дѣти; *вѣтви старыя чада чады, похваля же чадомъ отцы ихъ* (Притч. XVII, 6),—намъ всѣмъ Отецъ всѣхъ и вѣнецъ всей церкви Христосъ.

Когда Климентъ отъ дневныхъ занятій человѣка склоняется мыслию къ *ночному покою или сну*, какому предается каждый человѣкъ послѣ такъ или иначе проведеннаго дня (гл. 9, кн. 2), его и здѣсь поражаетъ нѣга и роскошь, выходящая изъ границъ умѣренности, поражаетъ пышное великолѣпіе постельныхъ приборовъ, видное у современнаго ему человѣка со средствами, поражаетъ чувственное отношеніе его къ этому, необходимому для насъ. отдохновенію. Онъ бичуетъ великую гордость, какую обличали кровати. отдѣланныя слоновою костью, съ серебряными ножками или съ рѣзными изъ дерева, на которыхъ некусно и затѣйливо выдѣланы фигурныя изображенія змѣй и животныхъ. Онъ строго осуждаетъ ту нѣгу, для которой нужны мягкія пуховыя ложи, подушки и покрывала шпигы золотомъ, бѣлье изъ тонкихъ пуническихъ тканей, поэтическия пурпуровыя одѣяла или драгоценнѣйшія мѣховыя изъ дорогихъ пушныхъ звѣрей, и вообще мягкое и пышканное, такъ чтобы ложе было нѣжнѣе самаго сна. Порочная избытокъ удовольствія, Климентъ доказываетъ кромѣ того, что вредно спать при такой обстановкѣ, когда напримѣръ тѣла повергаются на пуховыя перины, впадалъ въ нихъ, по причинѣ мягкости ихъ, какъ бы въ нѣкую бездну. Онѣ не держатъ тѣхъ, которые на нихъ лежатъ и спятъ, такъ что съ той и другой стороны тѣла ложе поднимается на подобіе насыпи, и при этомъ не варится пища, какъ слѣдуетъ, а скорѣе горитъ, что совершенно портитъ ее. Между тѣмъ воз-

лежаніе на простыхъ и ровныхъ ложахъ, которыя составляютъ какъ бы естественную гимназію, много способствуетъ пищеваренію и дѣлаетъ человѣка болѣе способнымъ ко всякому случаю. Не запрещено пожалуй употребленіе дорогихъ вещей, выше упомянутыхъ, тѣмъ, которыя владѣютъ ими: но запрещено къ нимъ прилагать сердце свое; такъ какъ не въ этомъ наше счастье. Іаковъ спалъ на голой землѣ, и камень служилъ ему возглавіемъ, но онъ удостоился видѣнія. А какая простота въ этомъ отношеніи была у древнихъ грековъ, не только у простыхъ людей, но даже ихъ князей и начальниковъ!.. Намъ, какъ повелѣваетъ разумъ, нужно пользоваться простымъ ложемъ, которое бы имѣло только то, что требуетъ умѣренность и приличіе: если жарко, намъ нужно имѣть, чѣмъ прикрыть себя отъ зноя; если холодно, нужно имѣть, чѣмъ согрѣть себя. Постель наша должна быть умѣренной мягкости, какъ прилично мужамъ: сонъ долженъ быть только отдохновеніемъ для тѣла, а не нѣгою его.

Ко сну нужно прибѣгать не для праздности и лѣни, а для отдохновенія отъ трудовъ. Приступая ко сну, мы должны имѣть въ виду только то, чтобы легче встать. Спящій человѣкъ отнюдь не долженъ уподобляться мертвому. Потому хорошо съ постели часто вставать и хвалить Бога: блаженны уподобляющіеся бодрствующимъ ангеламъ. Имѣющимъ въ себѣ бодрствующаго Логоса неприлично спать цѣлую ночь: мужчины нѣкоторую часть ея пусть занимаютъ науки или ремеслами, а женщины рукодѣльемъ. Неумѣренный сонъ, угнетающій насъ, подобно смерти доводящій насъ до того, что мы совершенно лишаемся чувствъ, — не полезенъ ни душамъ, ни тѣламъ нашимъ. Такой сонъ бываетъ отъ неумѣренной пищи, стѣсняющей разумную способность души до того, что она лишается чувства. Намъ вѣдь, такъ сказать, нужно бороться со сномъ, чтобы большую часть времени быть участниками жизни чрезъ бодрствованіе. Ибо сонъ на половину раздѣляетъ съ нами время жизни. Не спать нельзя: сонливость, вялость чувствуется въ насъ отъ малаго сна. Но нужно

помнить, что не душа нуждается въ снѣ (она постоянно движется), а тѣло, которое освѣщается, предаваясь покою во время сна.

Педагогъ Климента касается и такого щекотливаго предмета, какимъ служитъ *рожденіе дѣтей* (гл. 10, кн. 2). Пускаясь въ разъясненія объ этомъ предметѣ, Климентъ оговариваетъ свою смѣлость, замѣчая, что ему, въ видахъ пользы слушателей не гнушно и не стыдно называть тѣ части, въ когорихъ происходитъ зачатіе плода, какъ не стыдно было Богу образовать ихъ. Какъ пищею, такъ и сожитіемъ позволяется пользоваться человѣку... Но ему должно воздерживаться отъ сладострастія и повелѣвать чреву и тому, что ниже чрева. Если разумъ не позволяетъ мудрому и пальцемъ шевельнуть безразсудно, какъ говорить стоики, не гораздо ли болѣе преслѣдующимъ мудрость нужно удерживать господство надъ частію тѣла. могущею приносить намъ безчестіе? Безчестно удовлетвореніе похоти, противное природы, чрезъ любовь къ отрокамъ... На чужихъ отроковъ нужно смѣрять, какъ на своихъ дѣтей. Также точно нужно относиться и къ чужимъ женамъ. Не сѣй тамъ, гдѣ не хочешь, чтобы тебѣ родилось съемое. Не касайся никакой другой жепы, кромѣ своей, съ которою одною позволено тебѣ воспринимать удовольствія плоти. Да и здѣсь должна быть мѣра и граница. Цѣль супружества—рожденіе дѣтей; пользованіе же правами супружества для одного удовольствія и несправедливо и противно разуму. Излишнее удовлетвореніе плоти расслабляетъ нервы, омрачаетъ чувство и уменьшаетъ силы. Богъ хочетъ, чтобы родъ человѣческой продолжался, но Онъ не говоритъ: будьте похотливы. Время для сонгія наблюдаютъ животныя, не имѣющія разума. Человѣку ли, отличенному разумомъ, стоять въ этомъ отношеніи позади ихъ? По руководству разума, время нужно наблюдать тѣмъ, кому позволено жить съ женами: никто не долженъ сходиться съ женою, по обычаю пѣтуховъ. во всякое время, напримѣръ возвращаясь

изъ церкви или утромъ съ торжища, когда время молитвы, чтенія и другихъ дѣлъ. На покой нужно идти вечеромъ, послѣ благодаренія Богу за воспріятыя отъ Него блага. Но при этомъ не часто должно быть брачное сожитіе: чѣмъ оно рѣже, тѣмъ желательнѣе и пріятнѣе. Далѣе, и ночью, во тьмѣ, не нужно вести себя неумѣренно и вольно; но нужно хранить въ душѣ стыдливость, какъ свѣтъ разума. Безсмысленныя слова, гнусныя фигуры, любодѣйныя поцѣлуи и имена другихъ вольностей пусть не упоминаются между нами. Грѣшнѣйшій тѣломъ дѣлааетъ несправедливость не столько ближнему, сколько себѣ самому, потому что унижаетъ себя предъ самимъ собою и совлекаетъ съ себя свою славу, когда побѣждается гнусною страстію. Онъ мертвъ для Бога, в, какъ трущъ, оставляется Логосомъ, а также и Духомъ.

(Окончаніе будетъ).

В. Ильницькій.
